

Цун ЭР
(Кыргызстан)

ЗЕЛЕНЫЙ ВИХРЬ, ЖЕЛТАЯ БУРЯ

Роман

Окончание. Начало в № 9–11, 2025.

Глава двенадцатая

1871 год. Лагерь повстанцев вблизи города Ланьчжоу

Зеленый Вихрь поднялся на выпирающий из земли плоский валун и окинул взглядом многотысячную молчаливую толпу, собравшуюся перед штабной палаткой. Холодный ветер не только развеивал полы его халата, обнажая широкий меч в кожаных ножнах, но и успокаивал приливший к вискам огонь. Он не любил непредсказуемое молчание толпы, чьей могучей силой мог воспользоваться любой говорун с хитрым умом и перенаправить ее подобно тому, как течение реки перебрасывают в заранее подготовленное русло. Он понял, что ахун уже распространил среди народа свой план, однако люди, всё еще доверявшие ему, хотели лично увидеть и услышать его. Если он не найдет нужных слов, не сможет убедить в своей правоте, то народ превратится в стадо животных, обуреваемых одной целью – выжить. И тогда... «Но что я могу сказать им сейчас? Как смогу убедить, что их обманут, и они все жестоко погибнут?»

– Братья! Буду, как всегда, честен с вами. Мы в тяжелейшем положении, – начал он свою речь. – Я знаю, люди в минуту отчаяния готовы на всё. В нашей ситуации можно надеяться только на три вещи: чудо, борьбу и милость. Да, Всевышний может сотворить чудо в самую последнюю, безысходную минуту жизни. И мы будем в это верить... Борьба всегда приносит плоды. Победишь или проиграешь, погибнешь или выживешь – не знает никто. Но кто борется до последнего вздоха – всегда несломленный, всегда непобедимый... Рассчитывая на милость врага, знайте, что её нет. Вы просто продаете свою душу и тело в вечное рабство... – Он окинул взором толпу и заметил, что люди слушают его с вниманием. – Поверьте, правитель Чжан Сяолунь не пропустит нас в обмен на голову чужеземца. Маньчжурский офицер придумал это, чтобы спасти свою жизнь...

– Не верим! – перебил его одинокий голос.

– Не верим! – робко подхватили еще несколько человек.

– Брат Эбду, – обратился снизу ахун Ма Шинло, – так у тебя есть план действий или нет? Если есть, поделись с нами. Если нет, то позволь использовать план маньчжурского офицера. Верно? – он повернулся лицом к народу.

– Верно! – ответ народа прозвучал уже более уверенно и дружно.

– У меня есть план! – внезапно заявил Зеленый Вихрь. – Но мне необходимо время, чтобы довести его до конца. Если к завтрашнему утру не вернусь, поступайте с чужестранцем как пожелаете. Но до утра чтобы с его головы волос не упал.

Он соскочил с валуна и быстрым, решительным шагом отправился в штабную палатку. Войдя в нее, подошел к сидящему под охраной двух «неприметных» Лотару.

– Офицер Лода, – обратился он к нему, – я должен на время покинуть лагерь. Ты остаешься здесь. Жизнь тебе гарантирована до завтрашнего утра. Если не вернусь, можешь с ней попрощаться.

– На мне достаточно грехов, и я не цепляюсь за нее. Однако мне кажется, я знаю, как устроить камнепад, – внешне невозмутимоотреагировал Лотар. Внутренне он был, на удивление, тоже спокоен.

Зеленый Вихрь с легким недоумением взглянул на него: «Может, он недопонимает нависшую над ним опасность? Или у него такое завидное самообладание?»

– Расскажешь утром, – бросил он и тут же добавил: – Иншалла!

– Успеха! – коротко пожелал Лотар.

Через короткое время Зеленый Вихрь уже стоял возле Тун Бао.

– Офицер Тун Бао, у меня имеется к тебе одно-единственное предложение. Других нет и не предусматривается.

– Вы знаете, я готов оказать любую помощь.

– Ты проведешь меня через подземный ход к Чжану Сяолуню – я даю тебе коня и свободу.

– Согласен, – сразу же прозвучал ответ.

– Но при любой попытке сбежать, схитрить, сказать неправду я убью тебя без предупреждения.

– Согласен.

– Тогда по коням.

Вскоре группа из шести человек во главе с Зеленым Вихрем с громким конским топотом умчалась из лагеря. Тун Бао скакал вместе со всеми. Чтобы он не вздумал бежать, его хитро привязали к седлу так, что свободными оставались лишь кисти рук, удерживающие конские поводья. Вскоре появились уже знакомые русла высохших рек. Однако в этот раз путь предполагал другой маршрут.

– Нам надо подняться в горы и обойти город с юга, – Тун Бао кивками головы показал на вьющиеся по желтым холмам разрушенные останки Длинной Стены.

– Там есть посты? – спросил Зеленый Вихрь.

– Есть два. Но мы их обойдем.

Зеленый Вихрь пристально посмотрел в глаза Тун Бао.

– Поехали, – скомандовал он, и группа двинулась дальше.

Дважды по команде Тун Бао они уходили с узкой горной дороги и ехали только ему ведомыми тропами. Наконец, обогнув очередной поросший кустарником холм, они остановились. Город-крепость Ланьчжоу лежал под ними на расстоянии не более трех ли.

– Вон там Южные ворота, – Тун Бао кивнул на высокую красно-золотую арку, украшающую въезд в город.

– Откуда ты так хорошо знаешь дорогу? – поинтересовался Муса.

– Мне часто приходилось вывозить отсюда серебро – генеральскую долю от контрабанды опиумом.

– И много?

– Миллион лян, не меньше. Чтобы держать всё это в секрете, серебро тайно перетаскивали по подземному ходу в пещеру, и оттуда я с людьми увозил его на вьючных лошадях.

– А вон там внизу – это ямынь и резиденция правителя, верно? – держа в руках плетку, Зеленый Вихрь указал на комплекс помещений.

– Верно, – ответил Тун Бао. – Прямо под резиденцией начинается подземный ход.

– И куда он ведет?

– Сюда. К одной из пещер.

– Пещер? И где они?

– За нами.

Все резко развернулись и ахнули от изумления. Совсем рядом, в желтых обрывистых склонах глиняных холмов темнели отверстия не менее сотни больших и малых нор.

– Что за звериные норы? – с удивлением спросил Муса.

– Это не норы, а пещеры. В них жили монахи из Индии.

– Идолопоклонники, – презрительно фыркнул Муса.

– Все имеют право на свою веру, – заметил Зеленый Вихрь и получил в награду благодарный взгляд от Тун Бао.

– Подземный ход, кстати, остался от них, – пояснил маньчжурский офицер.

– И в какой из пещер он начинается? – спросил Зеленый Вихрь.

– Держитесь за мной, – прозвучало в ответ.

– Нет. Первым поеду я. А остальные за тобой. Говори, куда, – скомандовал Зеленый Вихрь, выдвигаясь на коне вперед.

– Отсчитывайте с левой стороны двенадцатую пещеру, – ответил Тун Бао.

– Куда выводит ход? – поинтересовался Зеленый Вихрь.

– Раньше он вел просто за городскую стену. А потом мы дотянули его до спальной комнаты Чжана Сяолуня.

– Ха, может, еще прямо под кровать? – оскалился Муса.

– Спальня от прохода отделена раздвигающейся стенкой.

– Когда Чжан Сяолунь ложится спать? – снова задал вопрос Зеленый Вихрь.

– Поздно. Очень поздно.

– Где стоит охрана?

– У дверей снаружи. Два стражника. Но они обычно храпят на своем посту.

Зеленый Вихрь, словно прожигая огнем, всмотрелся в глаза Тун Бао. К его удивлению, они не забежали, не отвернулись в сторону, не наполнились ни ненавистью, ни страхом. В этот раз они были чисты и ясны. Зеленому Вихрю стало даже немного не по себе. Ему показалось, что в лице свирепого убийцы неожиданно засветилось подобие детской простоты, какое зачастую случается у проплакавшегося и вновь обретшего радость ребенка. «Или я с ума уже схожу, или с этим маньчжуром что-то неладное творится?» – промелькнуло в уме у Зеленого Вихря. Он молча дернул коня за поводья, и отряд отправился дальше.

Пещеру тускло освещали последние лучидвигающегося к закату солнца. У подножия сохранившегося алтаря с небольшой статуей Будды лежали остатки высохших фруктов, огарки от выгоревших свечей, связки ритуальных бумажных денег. На стенах красовались выпцветшие фрески из жизни чужих богов.

– Так здесь и поспать можно, – втискиваясь в узкую монашескую нишу, радостно пробасил Муса. – Жаль, что костер не развести и ужин не приготовить, – едва добавил он, как в пещере прозвучал голос Зеленого Вихря.

– Ну, офицер Тун Бао, показывай свой подземный ход.

– Он здесь, – Тун Бао встал прямо у алтаря. – Сдвигайте его в сторону.

Муса вышел из ниши и вместе с Молчуном Ву, навалившись на алтарь, довольно легко сдвинул его в сторону, открыв узкий вход в темный туннель.

– Вот это да! Не соврал, подлец, – слетело с губ Мусы...

...Утром того же дня правитель города Чжан Сяолунь вместе со старшими чиновниками и гарнизонным командиром держал совет.

– Мне кажется, нападение на пост и заставу были лишь разведкой. Мятежники наверняка готовятся к захвату города, – заявил Чжан Сяолунь. –

И силы у них большие. Подмога от генерала Мао придет через несколько дней. Сможем ли мы продержаться?

– Господин Чжан Сяолунь, – со своего места поднялся прибывший в город командир горной заставы Линь Цзянь, – по моему мнению, мятежники не станут нападать на город. У них другая цель – прорваться через Хеси. И они хорошо понимают, что генерал Мао вот-вот подойдет сюда.

– Ты в этом уверен?

– Абсолютно.

– Значит, мы можем быть спокойны?

– Да, господин правитель.

Чжан Сяолунь облегченно вздохнул.

– Однако мы не должны расслабляться, не так ли? – он грозным взглядом обвел присутствующих.

– Все будет начеку, пока угроза не минует нас, – поспешил заверить его командующий городским гарнизоном.

– Прекрасно. Тогда предлагаю возблагодарить наших небесных духов. – Настроение у Чжана Сяолуня заметно улучшилось, и он решил устроить в резиденции веселый праздник. На рынок тут же помчались слуги с кухни закупать продукты, а в «весенний дом» выбирать певичек правитель города отправился самодично. Не успело солнце скрыться за вершинами рыжих холмов, как началось веселье. Вокруг резиденции вспыхнули огни факелов, громкая музыка и пение понеслись далеко за пределы ямыня...

– Чжан Сяолунь организовал праздник, – глядя из пещеры на яркие огни и слегка доносимые ветром звуки, произнес Тун Бао. – Возможно, хочет всем показать, что опасности нет.

– Пусть так думает, – чуть усмехнувшись, проговорил Зеленый Вихрь. – А как узнать, когда всё закончится? – поинтересовался он.

– Очень просто. Как только в небо полетят огненные шары и петарды, значит, конец веселью – правитель отправляется спать.

– Хм-м... весело живет Чжан Сяолунь, – не удержался Муса.

– Так думают многие. И все они ошибаются, – ухмыльнулся Тун Бао.

– Почему? – спросил Муса.

– Весельем он глушит страх.

– Ну, это не ново, – разочарованный ответом, промолвил Муса.

– Так, раз у нас есть время, посидим, поговорим, – мирно, по-дружески предложил Зеленый Вихрь. В пещере зажгли пару факелов, прикрыв вход нарубленными ветками и легкими походными одеялами. – Скажи, кто убил на мосту посланника советника Суна? – задал свой первый вопрос Зеленый Вихрь.

Тун Бао задумался, словно перебирая в голове кровавые страницы своей жизни.

– Это было давно. Лет десять тому назад, верно?

– Девять, – уточнил Зеленый Вихрь.

– Да. Приказ генерала выполнял особый батальон полковника Юй Чунь-линя. Они тогда переоделись в дунган-мятежников. Убийство императорского посланника – это доказательство, что с вами нельзя ни о чем договариваться. Вот в чем был замысел.

– Гнусный мерзавец. Но для чего генерал начал эту войну?

– Насколько я знаю, главная причина – земля. По его мнению, во времена династии Мин, когда дунгане были в фаворе, они скупили здесь слишком много земли.

– Разве это было незаконно?

– В том-то и дело, что всё законно. Но по мнению генерала, это священные, исторически очень важные для ханьцев земли. Вот он и придумал план, как отобрать их назад, да еще и неплохо на этом нажиться. Он обвинил дунган в сговоре с тайпинами и в мятеже против императора. «Надо избавиться от всех не таких, как мы, ханьцы и маньчжуры, – говорил он. – Через очищение к процветанию», – с таким девизом генерал обратился к императору. В Пекине многим сановникам эта идея пришлась по вкусу. Вдобавок к земле они решили прибрать к своим рукам и ваши накопленные за столетия богатства. Император после получения рапорта от генерала Мао об убийстве мирного посланника сразу же согласился на военные действия. Так началась война. То, чего и добивался генерал, и чему всячески противостоял советник Сун. И вдобавок ко всему, именно тебя с тех пор считают зачинщиком восстания.

– Хм-м... А мне казалось, они воюют против нашей веры.

– Это повод и ширма. Не более. Как в Юньнани. Если бы там дунгане не владели серебряными и медными рудниками, никто бы их не вырезал, не изгнал оттуда, поверьте мне, господин Зеленый Вихрь.

– Значит, цель генерала и его покровителей – изгнать нас навсегда с наших земель? – с негодованием спросил Зеленый Вихрь.

– Да. И они не остановят войну, пока не добьются своего.

– Ну что ж, тогда наш джихад оправдан.

– Это не выход. Вы все погибнете. Ханьцев не победить.

– Откуда ты это можешь знать?

– Разве можно остановить огромную реку, пусть у нее даже не бурное, а плавное, неспешное течение? Вот мы, маньчжуры, завоевали, покорили их. И что произошло с нами через триста лет? Могу точно сказать, это не они расправились среди нас, а мы среди них. Мы, маньчжуры, сейчас не более чем стая рыб, плавающих в этой реке.

– Мы не уподобимся вам.

– Ни один народ в Поднебесной не миновала эта участь.

– У них не было хребта, на котором держится плоть.

– Вы имеете в виду веру?

– Именно.

– Возможно. Мы, маньчжуры, как и ханьцы, понемногу и буддисты, и даосы, и шаманы, и конфуцианцы. У нас и храмы общие.

– Не стоило вам, маньчжурам, садиться с ханьцами в одну лодку.

– Об этом уже поздно говорить.

– Послушай, Тун Бао, сейчас ты такой умный, ну прям древний мудрец, и тихий, как овечка, – не удержался Муса. – А вот когда людей наших резал, о чем думал?

– Меня с самого детства к войне готовили. У нас ведь нет выбора. Маньчжур не может быть ни земледельцем, ни ремесленником, ни торговцем. Ему дозволено быть только воином.

– В общем, довоевались. Скоро вся власть снова к ханьцам вернется, так? – злорадно проговорил Муса.

– Похоже, всё катится к этому, – с каким-то безразличием ответил Тун Бао.

– Ну, нам от этого ни холодно, ни жарко, – усмехнулся Муса. – Мы в своей лодке пойдем.

– Куда? – Тун Бао бросил короткий, вполне естественный вопрос. К его удивлению, вместо ответа все тут же примолкли, явно не зная, что сказать. Молчал и Зеленый Вихрь. Память отбросила его на два года назад...

* * *

1869 год. Юг провинции Ганьсу

Шел седьмой год дунганского восстания. Победная чаша весов лишь совсем недавно надломилась и стала медленно склоняться на сторону маньчжуров. Однако в Пекине считали это заслугой не генерала Мао Хунлиня, а его злейшего противника, императорского советника Суна. Именно ему удалось убедить самых авторитетных ахунов не только сложить оружие, но и перейти на сторону восьмизнаменной маньчжурской армии. Его главный аргумент: «Глупцы, за пределами Длинной стены вас ждет страшная жизнь среди диких варваров. Разве желаете вы такого для себя и своих детей? А вот милость Сына Неба, если вы одумаетесь, не заставит себя долго ждать» – подействовал на повстанцев магически. Дунгане, как и все жители Поднебесной, не мыслили жизни вне её пределов. И теперь, ощутив перед собой холодное дыхание скал могучего Тибетского нагорья с одной стороны и мертвенный жар безжизненной монгольской пустыни с другой, они были охвачены паническим ужасом. Куда мы бежим? Есть ли выход из этого кошмара? Влиятельные ахуны и богатые кушцы всё чаще вступали в тайные переговоры с людьми советника Суна, который выступал гарантом примирения. Самым ярким проявлением лояльности и преданности дунган Сыну Неба было не просто сдать, а повернуть оружие против своих братьев и соратников. Из двенадцати Великих батальонов, до последнего времени входивших в повстанческую армию, возглавляемую ахуном Ма Лихэром и Зеленым Вихрем и готовую продолжать джихад, осталась ровно половина. Никто не знал, кто станет следующим предателем.

В один из таких вечеров, после встречи с вождями саларских племен, Эбду возвратился в боевой лагерь, разбитый у небольшого городка Линься в гористой южной части провинции Ганьсу. За скромным ужином его поджидал ахун Ма Лихэр. Семь лет войны внешне не сильно отразились на нем. Но внутри это был уже другой человек. И главное, ему очень хотелось просто жить. Не в небесном раю, в окружении гурий, а на грешной земле, рядом со своей смуглой тихой и молчаливой женой и тремя крепкими, подрастающими сыновьями. Ахун женился поздно, когда ему было почти сорок, и потому особо любил и ценил свою семью.

– Как прошла встреча? – усталым голосом спросил он Зеленого Вихря.

– Салары готовы драться, но только на своей земле. В общем, на их помощь рассчитывать не стоит.

– Я так и предполагал. Никто не хочет воевать. Люди хотят мира. Слышал, отряд Черного Ясира готовится уйти из лагеря?

– Слышал, но не верю, – Зеленый Вихрь тяжело вздохнул.

– Это правда. Говорят, ему не только гарантируют жизнь, но и дают чин офицера, – добавил ахун.

– Он хороший воин. Почему он так поступает?

– Наверное, не считает свой поступок предательством.

– Отступивший от джихада равен бежавшему с поля битвы.

– Не осуждай других. Пробьет час, и каждый сам ответит за свои поступки.

– Ты защищаешь его?

– Кроме малого джихада меча есть джихад духовный. Наш Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал однажды: «Мы вернулись с малого джихада, чтобы приступить к джихаду великому».

– Что это значит?

– Не всегда веру и достоинство отстаивают с помощью оружия.

– Ах, вот оно что. Снова смиренно сбиться в стадо овец?

– Не совсем так.

– А как?

– Доброта, мир и терпимость – лучшее оружие. Ненависть и война оказались не теми средствами, чтобы защищать, сохранять и распространять нашу веру. Говорят, раненую душу можно исцелить, но заблудшую считай потерянной навсегда.

– Это ты сейчас к чему? Подумываешь тоже переметнуться к маньчжурам?

– Мы не можем воевать бесконечно.

– А наши земли, дома, люди?

– Давай посмотрим правде в глаза. Назад мы их уже никогда не вернем.

А если дальше воевать будем, так и народ свой окончательно потеряем. Нам некуда идти. Пойми, не-ку-да!

– Маньчжуры отняли у меня всё. И потому, пока во мне бурлит сила, не умерла честь и горит месть, я буду воевать. И только смерть остановит меня. Мы сами выбираем свои пути. Верно?

– Согласен.

– Так вот, я со своими отрядами уйду в Саньципу. Шейх Ма Вэйдун в осаде и просит помощи.

– Ты идешь на верную гибель.

– Брат Лихэр, ты волен оставаться здесь. Если надумаешь склониться перед маньчжурами, знай, я не скажу тебе ни слова против... Кстати, у тебя сегодня очень вкусный чай. Поделишься заваркой?

– Я пришлю тебе.

«Он следующий», – подумал про себя Эбду, прощаясь с ахуном.

После ухода Зеленого Вихря ахун Ма Лихэр покинул лагерь и отправился в городскую мечеть, укрытую за высокой каменной стеной с широкими резными воротами. В просторном зале ученического медресе его с нетерпением поджидала группа людей: городской имам по имени Ма Дунло и пятерка полевых командиров в полном вооружении.

– Пустая затея. Он не откажется от войны. Говорит, что собирается уйти в Саньципу, – двумя фразами описал встречу ахун.

– Жаль, – покачал с сожалением головой Черный Ясир. – Очень жаль... Но он не может уйти. В противном случае офицерского чина мне не видать, как слепому священной горы Тайшань.

– Брат Ясир, придется применить твой план. По-другому никак, – негромко произнес ахун Ма Лихэр. – Да простит меня Всевышний, что не сумел я его убедить. Аллаху акбар! – Он провел ладонями по лицу, словно смывая с себя последние укоры совести.

На следующий день ахун Ма Лихэр занес Зеленому Вихрю мешочек с мелкими, нежнейшими, чуть белесыми листочками чая.

– Сегодня городской имам Ма Дунло приглашает нас на вечернюю молитву и ужин, – потягивая ароматный чай, сообщил ахун. – Я сейчас иду к нему. Что ему сказать?

– Передай ему благодарность за приглашение. Обязательно буду, – заверил ахуна Зеленый Вихрь.

После заката солнца, завершив магриб вместе с ахуном Ма Лихэром и имамом Ма Дунло, Зеленый Вихрь отправился в зал медресе, где их поджидал скромный ужин: блюдо с отварной бараниной, несколько видов маринованных овощей и горка риса в глубокой чаше.

– Не обессудьте за столь простой стол, – произнес имам, приглашая гостей к трапезе.

– В такое время это уже роскошь, – выразил благодарность Зеленый Вихрь.

– Война приносит не только смерть, но и голод. От Сианя до Ланьчжоу поля заросли дикой травой. Некому пахать и сеять, – грустно вздохнул ахун Ма Лихэр.

– Негде – это слово мне кажется правильнее. Целый народ остался без собственной земли. Разве есть у властей такое право – отнимать у людей их законные земли? – Зеленый Вихрь направил свой вопрос к имаму.

– Такого права нет ни у кого, – не колеблясь ни мгновенье, ответил имам. – Но власти воспользовались тем, что люди бежали, оставив в домах свои купчие. Маньчжуры попросту всё сожгли, и попробуй докажи, что земля твоя. А если и найдутся бумаги, то тебя тут же объявят мятежником. В общем, не видать нам больше земли, – доходчиво объяснил ситуацию имам.

– Зачем нам такой мир с ними? – удивился Зеленый Вихрь.

– Чтобы сохранить людей, народ, – вставил ахун Ма Лихэр, и имам благо-склонно кивнул головой.

– Да, верно... Вы правильно рассуждаете. Народ надо сохранить, – согласился Зеленый Вихрь. – Я всё понимаю и никого не осуждаю. Это не предательство. Это просто мудрый путь к выживанию... Так вот, чтобы никому не быть преградой к миру, я уведу свои отряды в Саньципу.

– А куда потом? Куда?.. – ахун Ма Лихэр тяжело вздохнул, словно перед исповедью, и продолжил: – Брат Эбду, я тебе не говорил, но сейчас хочу сказать, мы с имамом приняли тяжелое, однако, на наш взгляд, верное решение – мир. Подумай тоже, пока еще не поздно.

– У меня мира и дружбы с маньчжурами не получится. Никогда. И еще. По свету бродят два шайтана, которых я должен уничтожить.

– Одного я наверняка знаю. Это генерал Мао. А кто второй? – поинтересовался имам Ма Дунло.

– Правитель Чжан Сяолунь.

– На самом деле шайтанов гораздо больше. Покончив с этими, поверь, ничего не изменится, а вот зла на земле прибавится, – заметил ахун Ма Лихэр.

– Без этих двоих всем станет хоть чуть-чуть, но лучше. А за зло ответить злом не является прегрешением.

– Только прощение считается богоугодным деянием, – возразил ахун.

– Мы уже много говорили на эту тему, брат Лихэр. И ты меня не смог переубедить. Не пытайся еще раз. А теперь мне пора попрощаться с вами. – Зеленый Вихрь, так и не дотронувшись до еды, поднялся на ноги.

– Не спеши! – раздался громкий голос из резко распахнувшейся двери смежной комнаты.

– Черный Ясир?! – с удивлением воскликнул Зеленый Вихрь. – Ты еще здесь?

– Здесь. И знаешь почему?

– И почему?

– Ты – главное условие сделки. Без тебя нам никак не обойтись.

– И какой я вам нужен, живой или мертвый? – на лице Зеленого Вихря застыла презрительная усмешка.

– Лучше живой, – ухмыльнулся Черный Ясир.

– Чтобы меня казнили по первому классу?

– Нет. Если ты протянешь руку мира, тебя ждет спокойная, счастливая старость.

– Неужели я смогу так жить после всего, что сделали с моей семьей, деревней, народом?

– Мы все пострадали не меньше твоего. Однако Всевышний дарует свою милость тем, кто умеет прощать. И мы слышали его.

– До меня еще не дошли его слова. Прощайте!

– Брат, ты не уйдешь отсюда, – твердо и решительно проговорил Черный Ясир. – Мы с тобой прошли через десятки сражений, и я всегда стоял рядом с тобой плечом к плечу. Но приходит время, когда...

– Когда ты выкупаешь свою жизнь за счет чужой... – перебил его Зеленый Вихрь.

– Прости меня, Эбду, – отвернувшись в сторону, выговорил ахун Ма Лихэр.

– На всё воля Всевышнего. Аллаху акбар! – подняв кверху глаза, вымолвил имам Ма Дунло.

– Эбду, понимай, как знаешь, – в голосе Черного Ясира еще слышалась нотка легкого сожаления. – Но мы хотим, чтобы наши дети жили счастливо. И я доставлю тебя в Сиань. Живым или мертвым. Взять его! – Металлом прогремел приказ, и тут же из двери смежной комнаты появилось несколько фигур, окутанных с головы до ног в черные плащи. Виднелись лишь узкие прорезы для глаз.

Черный Ясир резко, с ужасом на лице отшатнулся. Совсем не этим людям предназначался его приказ. «Неприметные!» – прошипел он сквозь зубы и схватился за рукоятку висевшего на поясе меча. Но в тот же момент короткая молния рассекла комнату, и Черный Ясир, обхватив руками шею, захрипел, зашатался, упал на колени и затем грузно завалился набок, а по ногам пробежала мелкая предсмертная дрожь.

Ахун и имам в охватившем их параличе молча наблюдали, как огромная, безмолвная фигура в черном склонилась над телом Черного Ясира и с силой выдернула из пронзенного насквозь горла окровавленный стальной клинок.

– Вы думаете, я ничего не знал о вашей сделке с генералом Мао? – обратился Зеленый Вихрь к окаменевшим от страха священнослужителям. – Жизнь, свобода, деньги в обмен на мою шкуру... Если бы вы были просто изменниками, я отпустил бы вас на все четыре стороны. Но вы оказались подлыми, низкими, продавшимися шайтану предателями. Да воздаст нам Всевышний по деяниям нашим! Аллаху акбар!

Он прикрыл глаза и опустил голову, подав тем самым знак молчаливым, как тени, фигурам в черных плащах. В свете ярко горящих факелов блеснули стальные клинки, и еще два тела, захлебывающиеся собственной кровью, забились в смертельных судорогах...

* * *

1871 год. Пещера с потайным ходом

Зеленый Вихрь открыл глаза и вздрогнул. Горящие факелы словно перенесли сюда из прошлого. «Простил бы я их сегодня? – подумал он про себя. – Да, – прозвучал в голове ответ. – Знаю ли я, куда нам идти? Да».

– Хорошо, видать, гуляет Чжан Сяолунь, – громко вслух произнес Зеленый Вихрь.

Далеко внизу продолжали загадочно мерцать отблески пылающих костров.

– Чем больше страха, тем больше веселья. К рассвету-то хоть разойдутся? – поеживаясь от ночного холода, пробормотал Муса.

И в этот момент, словно услышав его слова, в воздух взметнулись огненные шары, с треском разбрызгивая в ночной тьме тысячи разноцветных светлячков.

– Красота! – не сдержался Муса. – Прямо как у нас на Новый год. Помнишь, брат?

– Помню, – в голосе Зеленого Вихря прозвучала неподдельная тоска.

– Ну что, идем? – встал у алтаря Муса и взглянул на Тун Бао.

– Да. Сейчас Чжан Сяолунь отправится к себе. Там ему подадут опиум. – Тун Бао прекрасно знал привычки даотая.

– Выдвигаемся! – отдал команду Зеленый Вихрь.

Оставив в пещере одного бойца, небольшой отряд мгновенно исчез в темном чреве узкого подземного хода. В нем было сухо и тепло. Огонь факелов тускло освещал шероховатые глиняные стены и едва ощутимые под ногами ступени. Тун Бао крепко связали запястья рук, опутали веревкой ноги, и он двигался медленно и неуклюже, словно стреноженный конь. Сзади с револьвером в руке шел Муса. Где-то через час Зеленый Вихрь, идущий первым, уперся в деревянную стенку.

– Т-сс! – прошептал он и, приставив палец ко рту, взглянул на Тун Бао. Тун Бао подковылял к стенке, прижался ухом, внимательно прислушался.

– Всё тихо... Сдвигать её надо. Осторожно, – еле слышно проговорил он.

– Давай. Только без шуток, – подтолкнул его дулом револьвера Муса.

Тун Бао надавил на стенку своим мощным плечом, и она легко, бесшумно заскользила по густо смазанному гусиным жиром пазам.

– Потушите факелы, – едва успел шепнуть Зеленый Вихрь, как их взору предстала спальня даотая, подсвечиваемая тусклыми огоньками нескольких подвесных фонарей.

– Ждите здесь, – приказал Зеленый Вихрь и, вытянув из-за пояса короткий меч, бесшумно двинулся к кровати, скрытой за длинными, вьющимися с потолка полосами из разноцветного шелка.

Даотай Чжан Сяолунь лежал с блаженной улыбкой на маленьком высохшем лице. Много лет назад он пришел к выводу: «Страх заглушают две вещи – опиум и веселье». И с тех пор жизнь его протекала в безостановочных больших и малых пиршествах, а порции дурмана увеличивались с каждым днем. Но когда возникали вынужденные делами перерывы, то он мгновенно впадал в странное состояние, словно липкая, холодная, тягучая тряпина засасывала его, заглатывала, тянула в распахивающуюся, раздвигающуюся без конца и без края темную бездну. В такие моменты у него перехватывало дыхание, воздух казался песком, леденели конечности, а перед глазами мелькала собственная медленно падающая, с каплями алой крови отрубленная голова. «Это всё он. Да будь ты проклят на веки вечные!» – даотай хорошо знал причину своего страха. Однажды во время казни пленный повстанец остановил на нем взгляд и громко крикнул: «Рано или поздно Зеленый Вихрь придет за тобой!» Сегодня во время пирушки мысли о ненавистном Зеленом Вихре не покидали его ни на минуту. Мутный, невидящий взгляд Чжана Сяолуня не замечал веселящегося вокруг него народа, и после ночного фейерверка он поспешил в спальню, чтобы побыстрее избавиться от присосавшегося к нему, будто пиявка, мерзкого, гнетущего предчувствия чего-то страшного и необратимого.

Глава тринадцатая

1862 год. Год Черной собаки

После резни на мосту генерал Мао Хунлинь велел пустить среди народа слух о том, что в срыве мирного договора виноват младший сын деревенского старосты по имени Эбду. К вечеру на рыночной площади собралась огромная толпа народа.

– Ну кто еще, кроме Эбду, мог это сделать? – распинался среди знакомых деревенский мясник Лю. – Вот увидите, из-за него генерал войной на нас пойдет.

– А зачем ему убивать посланника? Что за ересь ты несешь? – яростно противостоял мяснику кузнец Кувалда.

– Это месть. Она как болезнь, которая не лечится, – не останавливался мясник Лю.

– Он только женился. Сына ждет. Ему, как всем, мира хочется. У тебя всё с головой в порядке, брат Лю?

– Я сам видел, как он со своими дружками вслед за посланником отправился.

– И сколько их было?

– Трех точно видел.

– И что, три человека с сотней стражников справились?

– А может, Эбду засаду заранее подготовил. Он ведь большим мастаком по этой части стал... – Мясник Лю неожиданно замолчал. – Пойду-ка я лучше домой, – пробормотал он, заприметив появившегося Эбду в сопровождении отца и ахуна Ма Лихэра. Быстро засеменяя ногами, он удалился. Народ тут же окружил Эбду.

– Эбду, это правда ты был?.. Эбду, зачем ты это сделал?.. Олухи, хватит чушь нести!.. – самые разные крики понеслись над площадью.

Эбду, чтобы его лучше слышали и видели, одним махом вскочил на торговый прилавок.

– Друзья, братья, посмотрите на меня! Хорошо смотрите!.. Я похож на дракона Лунвана или демона Чжун Куя?..

– Нет... Совсем не похож... – донеслось в ответ вместе с легким смехом.

– А Муса и Гацим, они похожи на кого-то из «восьмерки бессмертных»?

В ответ раздался теперь уже громкий смех.

– Ну и как мы втроем могли расправиться с посланником и отрядом вооруженных стражников?.. Не придумывайте сказочных героев... Зачем мы пошли следом за посланником? Мы хотели убедиться, что он благополучно вернется в Сиань, и никто не сможет нас ни в чем упрекнуть. Но прямо на Каменном мосту на них напали. Нападавшие очень громко, словно напоказ, чтобы все слышали, кричали: «Аллаху акбар!» Стояла темная ночь, и кто они, мы так и не поняли. Мы сразу же помчались назад. Понятно, что те, кто в живых остался, доложат губернатору о злых дунганах... – Эбду смолк. Народ тоже молчал, по-видимому, осмысливая его слова.

– Знаете, что я еще вам скажу, – нарушил тишину Эбду. – Мы не сможем доказать нашу невиновность. Надо готовиться к войне.

Дунгане разделились на два лагеря. Лагерь поменьше объединил тех, кто осуждал Эбду: «Большую беду он нам принесет...» А в другом лагере звучало: «С таким воином нас ждет великая победа! Будем воевать!»

Генерал Мао, сам того не желая, превратил Эбду в народного героя. И вскоре, вспомнив название их семейной школы ушу, люди стали называть его Зеленым Вихрем. Молодые парни из соседских деревень и городков толпами прибывали в Небесные Тополя. На рыночной площади для них разбили палаточный лагерь, который расширялся, разбухал, как речная заводь в половодье. «Где здесь принимают в отряд Зеленого Вихря?» – то и дело слышалось среди толкающегося там народа. Эбду понимал, что необученные военному искусству крестьяне – жертвенный подарок для врага. «День и ночь учите их. И в первую очередь дисциплине», – требовал Зеленый Вихрь от приставленных к ним в качестве наставников «неприметных». А сам вместе с Мусой едва успевал формировать всё новые и новые конные и пешие отряды. Каждый отряд насчитывал по тысяче бойцов и получал свое название. Тут были «тигр», «львь», «волк», «лисий», «медведи», «буйвол»... Тысячи разбивали на сотни и десятки. Командиров выбирали по степени их известности и авторитета. На тот момент это был наилучший вариант.

Муса искренне удивлялся невесте откуда проявившимся организаторским способностям друга: со всеми вежлив, но тверд; немногословен, но точен; запоминает все просьбы; вникает во все мелочи и детали донесений; контролирует приказы; успевает везде побывать. Его видели повсюду в любое время суток, и потому многие удивлялись: когда же он спит и отдыхает?

В деревне всем нашлось дело. Из кузницы валит в небо черный столб дыма, и ни на минуту не смолкает звон кующегося оружия. Подводы с впряженными быками тянули провиант. Каждый отряд обзавелся котлами, а повар Яма-Кочка четко распределял продукты.

Разведчики внимательно отслеживали каждое движение в лагере генерала Мао и тут же докладывали в штаб. В лагере врага пока всё было спокойно. Генерал не спешил. В этот раз он решил дождаться официального одобрения своих действий от министра войны, чтобы советник Сун больше никоим образом не смог притормозить запущенный маховик. В одну из ночей прибыл императорский гонец. Генерал, еле сдерживая волнение, сорвал со свитка печать и углубился в чтение. Затем бросил бумагу на стол и поднял голову. В проеме распахнутых дверей чернела непроглядная ночь, в которой пряталась полная неизвестность. «Всё прекрасно. Можно начинать», – прошипело под густыми усами.

Всё это время Эбду переживал за Янлинь: «Как она себя чувствует? Нашла ли общий язык с матерью?» Но отлучиться из деревни даже на несколько дней было просто невозможно. Враг мог напасть на них в любой момент. Командиры не покидали пределы мечети.

– Эбду, – ахун Ма Лихэр однажды обхватил его крепкие плечи, – посмотри вокруг. Народ проснулся. Какая сила, а?! Теперь главное не растерять их веру в нас. Мы сохраним ее, если будем всегда честны и справедливы. Ты согласен со мной?

– По-другому и быть не может.

– Ты ведешь себя как настоящий, зрелый муж и командир. Не каждого Всевышний награждает такими качествами. Помни об этом.

– Если забуду, ты напомнишь, хорошо? Теперь у меня два учителя. Отец и ты.

– Отныне мы вместе, до самой победы.

Эбду не услышал в словах ахуна ни капли притворства. Ему вообще нравилось беседовать с ним, слушать его проповеди. Лучшего знатока исламской веры он не встречал в своей жизни и теперь знал, к кому обращаться за советами. Ахун Ма Лихэр в свою очередь был счастлив стать духовным наставником Зеленого Вихря...

– Брат Лихэр, – как-то обратился Эбду к ахуну, вспомнив о слухах, бродящих по деревне. – Среди людей ходят разговоры, что мы объявили джихад без позволения верховного имама. И это не совсем законно. Понимаешь, сомнения подрывают боевой дух.

– Враг напал на нашу землю. Мы обязаны сражаться, чтобы защитить себя. Таков закон, ниспосланный нам Великим Аллахом. Это джихад. Сегодня мы соберем народ на молитву в поле, и я развею их сомнения.

Ахун Ма Лихэр не только развеял сомнения, просветил умы и наполнил решимостью сердца сомневающихся, он сумел стать тем, кем давно мечтал быть.

– Братья, когда народ объединяется для великих дел, ему требуется лидер. Наш пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Если трое выйдут в путешествие, то пусть одного назначат ведущим». Его словам следует внимать и подчиняться. Давайте подумаем, кого выбрать главным, – обратился он к людям, не называя имен возможных кандидатов в народные вожди.

– Чего долго думать?! Пусть им будет наш ахун. Из него получится настоящий народный вождь, – громко прозвучал голос Эбду. Люди дружно подержали его.

– Братья, я принимаю ваше решение, – не мешкая, согласился ахун. – Отныне мы все – воины Аллаха. Да поможет нам Всевышний! Аллаху акбар!

– Аллаху акбар!.. Аллаху акбар!.. – долго вторил за ним многотысячный хор, наполняя и вознося душу ахуна в небесные выси, где хотелось оставаться вечно.

«Вот он, рай», – подумал Ма Лихэр про себя. Однако недолго наслаждалась его душа. Именно в этот момент появился посыльный со срочными вестями: «Зашевелились гады. Повозки с пушками выкатили. Командиры бегают как угорелые. К маршу готовятся». И тревожный гул всколыхнувшейся толпы спустил ахуна с небес на холодную твердь земли.

– Брат Эбду, собирай командиров! – приказал он.

На одной из стен в мечети висела крупная, тщательно вырисованная карта провинции Шэньси с многочисленными змеиными изгибами реки Вей. Три высоких тополя на ее северном берегу обозначали их родную деревню. На нее была нацелена жирная, длинная стрела, пущенная с южного берега реки Вей, где раскинулся лагерь генерала Мао.

– Мира не получилось, значит, воевать будем. Всевышний не оставит нас в беде, – бодро заявил ахун Ма Лихэр.

– Встретим врага как надо. Ямы и завалы устроены, места для засад в камышах готовы. Главное – у людей нет страха. Пусть только подойдут, – с энтузиазмом в голосе поддержал его Железный Кулак и взглянул на Эбду. Он гордился младшим сыном. Ведь это Эбду разработал план предстоящей борьбы с противником. Видать, и вправду говорится: «Никто не знает, где и когда рождается новый дракон».

...В то же время генерал Мао с ближайшими соратниками внимательно рассматривал свою до мельчайших подробностей вырисованную карту.

– Я получил от одного своего человека важную информацию. Это схема ям-ловушек и засад, которые устроили дунгане на подходе к Небесным Тополям, – сообщил генерал. – Честно говоря, не ожидал от этой деревенщины таких сюрпризов, – добавил он.

– А можно ли доверять вашему человеку? – спросил полковник Лю Дао.

– Пока его жизнь в моих руках, ему можно верить. Так что нам следует пересмотреть план наступления...

Сражение началось в полдень следующего дня. Планы дунганских повстанцев оказались расстроены с самого начала. Войска генерала неожиданно двинулись не вдоль реки, а совершили обходной маневр и, не приближаясь к расставленным капканам, зашли с севера, сразу же прижав защитников Небесных Тополей к реке Вей. Под грохот барабанов они выстроились в боевые порядки. Строгие коробки кавалерии и бесчисленные ряды пехоты заполнили впервые за сотни лет не распаханые, ничем не засеянные поля. Сотни цветных стягов с вышитыми драконами, львами, фениксами колыхались на высоких древках, заслоняя собой горизонт. Впереди дунганских повстанцев стояли отряды уже повидавших кровь бойцов. Но даже у них пробежал мороз по коже при виде столь многочисленного врага.

– Сколько же их?.. – сквозь зубы прошептал Эбду.

– Не бойся, всех положим, – держа руку на рукоятке широкого меча, громко заявил Ваншан. Он с гордостью возглавлял самолично подготовленный отряд шахидов, облаченных во всё черное. Лишь на головных повязках бойцов и зеленых флагах, развевающихся в руках знаменосцев, белела витиеватая вязь священной шахады. На них с завистью поглядывали многие крестьянские парни.

– Брат, действуй строго по плану и береги себя. Аллаху акбар!

– Отряд! В атаку! – привстав на стременах, прокричал Ваншан и, выхватив меч, тронул под собой коня. Застоявшиеся скакуны резво набрали ход, и через мгновение задрожала земля, перепуганные стаи птиц взмыли в воздух,

гулкий топот копыт слился с ревом многотысячного хора дунганских ополченцев, двинувшихся вслед за шахидами.

Генерал Мао предвидел такую атаку неискушенных в военном искусстве простолюдинов и подготовил против нее хорошо проверенный прием. Когда первые ряды дико размахивающих мечами и пиками всадников приблизились настолько, что можно было разглядеть их бешеные выпученные глаза, он дал команду, и коробки впереди стоящих всадников быстро разъехались в стороны, открывая пространство для сотни медных пушек и тысячи припавших на колени стрельцов с длинными фитильными ружьями наизготовку, за которыми застыла еще тысяча лучников.

– Огонь! – дали отмашку командиры. Над полем раздался страшный грохот орудий, треск ружейных выстрелов. Клубы дыма взметнулись до неба, а сквозь него на наступающих посыпался град длинных смертоносных стрел. Громкие крики и ужасающие стоны раненых донесли до застывших в ожидании схватки противников и заставили их не только содрогнуться, но и обратиться к своим богам: губы дунган зашептали дуа, а маньчжуры и ханьцы воздели взоры к своим небесным духам.

Набежавший ветер быстро развеял дым первого залпа, и сразу всё стало ясно – не удалась, захлебнулась атака. Нападавшие дунгане замерли в страхе, остановили коней, пытаются подобрать раненых.

Генерал Мао тут же дал знак, и барабаны с гонгами забили сигнал атаки. Всколыхнулись маньчжурские конные батальоны, засверкали лезвия взлетевших над головами мечей, раздался могучий рев, и темная лавина понеслась за развернувшимися дунганями, помчавшимися сломя голову назад. Следом за генеральскими всадниками, подобно несметным полчищам саранчи, резво двинулись пешие отряды. Завидев своих отступающих, дрогнули и отряды защитников деревни. Помчались прочь, наутек, оставляя родные дома на расстреливание врагу.

Столь быстрая и легкая победа насторожила генерала: «Хм-м... Уж не готовят ли они западню?» Но разведка донесла, что дунгане в панике рассеялись, а огромная часть бросилась спасаться через реку и, возможно, там утонула. Генерал успокоился и решил победоносно войти в первую поверженную им дунганскую деревню. Входить в низвергнутые города и сёла всегда доставляло ему ни с чем не сравнимое наслаждение. Потому он отказался от повозки и, вскочив в седло, верхом поспешил в скрытую за высокими серебристыми тополями деревню. К его удивлению, на ее окраине, склонив головы, стояла группа безоружных людей в дорогах халатах.

– Мы мирные люди, – обратился к генералу мясник. – Меня зовут мясник Лю, это торговец шелком Ма и другие уважаемые жители деревни. Мы хотим лично заверить вас в нашей преданности императору, а Вам в знак уважения преподнести пятьдесят тысяч лян серебра.

Мясник и его товарищи хорошо знали повадки продажных маньчжурских чиновников – деньги для них, что сахар для мух.

– Неплохой подарок... – усмехнулся генерал. – Я с удовольствием приму его...

«Ну вот, – подумал с облегчением мясник Лю, – этот генерал такой же, как и они все».

– Однако... я решил уничтожить всех дунган в Поднебесной! Отрубить им головы! – выпучив глаза, внезапно проорал генерал следом.

Сопровождавшие генерала солдаты мигом оголили мечи. Побелевший, затрясавшийся от услышанного мясник Лю не успел и слова вымолвить, как его голова покатила по земле. У других от увиденного обмякли, подкосились ноги. Вытянув руки и выжимая из себя жалобные звуки, они попадали на колени, где их и настигли острые мечи генеральских удалцов.

– Деревня ваша до захода солнца! – объявил генерал Мао окружавшим его командирам. В ответ раздались радостные крики, и дождавшиеся желанной награды солдаты и добровольцы, забыв обо всем на свете, ринулись грабить дунганские дома. Тащили всё подряд, а опустошив, дома просто поджигали, чтобы другие знали – здесь уже нечего искать. Через пару часов горело никак не менее половины Небесных Тополей. Черный дым густел и подымался всё выше и выше.

В это же самое время дунганские ополченцы молча и сосредоточенно выстраивались в боевые порядки. Рассыпавшиеся, разбежавшиеся, как зайцы, они собирались теперь на скрытных позициях в пяти-шести ли от полыхающей деревни. Всё шло по обновленному Зеленым Вихрем плану. «Чтобы побеждать, надо уметь отступать. Чтобы воздалось, надо приносить жертвы. Мы отдадим врагу Небесные Тополя, но затем окружим и, как могучая змея, удушим его смертельным кольцом», – так он объяснил свою тактику. Скрепя сердце люди согласились.

Сейчас же, глядя, как армия генерала Мао лихо грабила и жгла их родные дома, они не могли сдержать слез.

– Страдания заставляют людей или идти в храм, или братья за меч, – заметил Железный Кулак.

– Верно, – согласился ахун Ма Лихэр. А затем, глядя на подавленных горем односельчан, добавил: – Чем им больнее, тем лучше будут драться.

– Пора. Благослови людей, – откликнулся Зеленый Вихрь, оторвав суровый взгляд от вздымающихся в воздух столбов черного дыма.

Генерала Мао трудно было чем-либо удивить. Если бы раздался гром среди ясного неба или земля разверзлась на сорок частей, он бы и усом не повел. Но когда в вечерних сумерках он внезапно увидел бесчисленные отряды дунганских повстанцев, словно гигантская грозовая туча надвигающихся на его мародерствующую армию, то больно ущипнул себя за руку: уж не кошмарный ли сон снится ему? А после срочного донесения, что на реке появилось не менее сотни лодок, набитых мятежниками, он на мгновение потерял дар речи: «Чтобы его, битого-перебитого вояку, так легко провели какие-то простаки-крестьяне?»

Генерал вертел головой, нелепо махал руками, пытался что-то кричать. Но офицеры, сбившиеся подле него, слышали лишь бессвязные обрывки слов, больше похожие на мычание возбужденного глухонемого. Они впервые в жизни видели генерала в столь беспомощном состоянии. На его счастье, большинство командиров были опытными, прошедшими с ним сквозь десятки сражений боевыми соратниками. Не дожидаясь внятного приказа, сломя голову кинулись они к своим батальонам. И уже через мгновенья гремели гонги и барабаны, артиллеристы бежали к орудиям, солдаты, побросав награбленное, выстраивались в боевые порядки, кавалеристы затягивали потуже подпруги и взлетали в седла бьющих копытами коней. Наконец и генерал Мао пришел в себя.

– Всех добровольцев выдвинуть в поле. Они примут на себя первый удар! Командир Янь, твои добровольцы займут оборону со стороны реки. Полковник Лю, хунаньских удальцов и артиллерию расположить на окраине деревни.

И всё же времени выстроиться, занять позиции, выкатить вперед артиллерию не хватило. Грохот барабанов стал сливаться с разрозненными одиночными выстрелами маньчжурских пушек и недружным треском ружей. А над притихшими полями, над колышущимися верхушками тополей, над рябью мутных вод вдруг разнесся могучий, до мурашек на коже, дрожи в ногах и оцепенения в умах боевой клич-рев: «Аллаху акбар!»

Повстанцы, бешено размахивая мечами, пиками, топорами, цепями, легко смяли передовые ряды и врезались в беспорядочную массу ханьских добро-

вольцев. Эта страшная битва у Небесных Тополей по своей силе, ярости и отчаянию превзошла все будущие большие и малые сражения. Не имеющие еще военного опыта и мудрости дунганские повстанцы и ханьские добровольцы сломя голову спшиблись, чтобы безудержно рубить, крушить, душить друг друга и, мгновенно превратившись в диких зверей, ликовать от вываливающихся наземь кишок, разодранных глоток, разлетающихся в стороны мозгов. Теперь над полем слышалось лишь дикое, переполненное ненавистью рычание, звон скрежещающегося оружия, а дикие вопли и стоны раненых заглушали последние вздохи умирающих. Земля покрылась истекающими кровью телами. Ступая, топчась по ним, противники теснили друг друга взад-вперед. Редеющие ряды тут же пополнялись свежими силами, и кровавая сеча ни на мгновение не сбавляла обороты.

Зеленый Вихрь вместе с ахунем Ма Лихэр, несколькими командирами и группой посыльных находился в небольшом отдалении на наблюдательном пункте. Он внимательно следил за ходом сражения и время от времени посылал на помощь отряды из резерва, тающего, словно снег под весенним солнцем. Зеленому Вихрю очень хотелось встать во главе следующего отряда и окунуться в смертельную схватку. Но он знал, что этого делать нельзя, и оттого без конца вышагивал туда-сюда, время от времени крепко хватаясь за рукоять своего меча. «Еще не время. Жди!» – шептал он себе под нос. Ахун же беспрестанно молился.

В их ставку постоянно неслись донесения. Каждая из сторон имела шанс и на победу, и на поражение. С наступлением темноты прибыл очередной гонец с сообщением с реки. Там отряды повстанцев возглавлял Железный Кулак.

– Ханьцы отступают! Наши давят их прямо в горящую деревню! – не слезая с коня, радостно прокричал посыльный, совсем еще подросток, и, быстро развернувшись, ускорил назад.

– Наконец-то, – с облегчением выдохнул Зеленый Вихрь.

– Мы побеждаем! Аллаху акбар! – торжествующе произнес ахун Ма Лихэр и провел ладонями по лицу.

– Мы побеждаем! Аллаху акбар! – громко, ликуяще повторили за ним в ставке.

– Так. Отлично. Вот отсюда надавить надо. – произнес Зеленый Вихрь, пристально вглядываясь в темноту. Затем схватил своего коня за узду. – Брат Лихэр, ты со штабом остаешься здесь. А я забираю весь резерв, – скомандовав, он одним махом взлетел в седло.

Пять последних, резервных батальонов Зеленого Вихря действовали подобно резкому, свежему порыву ветра, наполнившему паруса усталой лодки. Повстанцы с новой силой ринулись в атаку, добывая врага.

Генерал Мао осознал, что сражение проиграно и надо как можно скорее выбираться из бурлящего котла.

– Господин генерал, в нашем резерве осталось два ударных батальона, – в самый разгар битвы доложил полковник Лю Дао.

– Срочно уходим в Сиань. Готовьтесь к прорыву, – прозвучал ответ генерала. «М-да, враг оказался сильнее и хитрее, чем я предполагал. Кто же так умело командует ими?» – зудел вопрос в голове, пока командиры выстраивали ударные батальоны в боевые порядки.

Вскоре, под грохот барабанов, ошестинившиеся пиками, прикрытые щитами две широкие колонны солдат под ярким лунным светом, словно превратившись в гигантского дракона, двинулись на прорыв. Опытные «хунаньские удалцы», умело прикрываясь плотными ружейными залпами, пробили брешь и, выбравшись на дорогу, быстро двинулись вдоль реки в направлении спасительного Сианя, бросив местных добровольцев на произвол судьбы. По-

среди колонн, в плотном заслоне из отборных, опытных ветеранов, шла повозка с генералом Мао. Цепкий глаз Зеленого Вихря заметил в глубине колонны генеральский обоз.

– Неужели сам Мао?! – воскликнул он и тут же перегруппировал свои конные батальоны. Теперь они, подобно острию копья, должны были пронзить сердце гигантского дракона.

Генерал, внимательно следивший за всеми перемещениями на поле боя, заметил отряды Зеленого Вихря и понял их маневр. «Что ж, прекрасно», – усмехнулся он про себя.

– Организовать огневую засаду! – громко приказал он полковнику Лю Дао.

Тот немедленно стал стягивать артиллерию и роты стрельцов в одно место, а остатки ханьских добровольцев выставил вперед, навстречу летевшей на них дунганской кавалерии.

– Отлично. Встретишь их как полагается, – бросил генерал полковнику. – Остальным ускорить движение!

Зеленый Вихрь и устремившиеся за ним всадники стремительно сокращали дистанцию. Зловеще серебрились в лунном сиянии лезвия широких мечей и секир, дикий рев тысяч глоток наполнял черную пустоту, от стука копыт дрожала земля. Еще немного, и новая сшибка пролетит ручьи горячей крови, сотни невесомых душ полетят в неведомую высь, сотни искалеченных до конца дней своих будут клясть несчастную жизнь. Но вряд ли кто думал о таком. А в это время опытные, закаленные в боях стрельцы выстроились в боевые линии. Громко заклацали затворы их современных заморских винтовок. Батарея из двадцати четырех пушек заняла свои позиции. Пушкири высекли искры и готовились поднести тлеющие фитили к набитым порохом и ядрами стволам.

И вот эти огоньки, мелькнувшие в темной дали, не остались незамеченными Зеленым Вихрем. Он насторожился: «Что это? Засада?..» Времени на раздумья не оставалось. Нужно было полагаться лишь на свою интуицию.

– Всем стоять! Там засада! – осаживая коня, прокричал налево и направо Зеленый Вихрь скачущим рядом с ним командирам. Вскоре топот тысяч копыт стих, но тут же стали раздаваться крики недовольных повстанцев:

– Эбду, какого черта остановились?! Уйдут, шайтаны!

– Брат Гащим! Возьми ребят и разведай, что там! – приказал он «неприемным». – Догнать мы их успеем. Давайтеждемся сообщений от разведчиков, – успокоил разгоряченных командиров Зеленый Вихрь.

Разведка не заставила себя ждать. Через короткий промежуток времени появился Гащим.

– Слава Аллаху, что вовремя встали, – возбужденно докладывал он. – Там заслон. Куча пушек и стрельцов. Одним залпом половину наших ухлопали бы.

– Ай да Зеленый Вихрь!.. Вот молодец!.. Надо же, такую засаду разглядел! – тут же радостно загудели бойцы.

– Пусть уходят. Нам есть еще кого добивать, – Зеленый Вихрь развернул коня в сторону Небесных Тополей, где сражение медленно затухало, как костер, в который перестают подкидывать дрова. С наступившей тишиной пришла победа.

– Братья, – пронесся в ночи высокий голос ахуна. – Мы вновь одолели врага! Видите, Всевышний не оставил нас в беде. Аллаху акбар!

– Аллаху акбар! – прогремело следом, после чего люди понуро разбрелись по полям, выскивая среди груд коченеющих трупов своих отцов, братьев, сыновей.

Эбду еще ничего не знал о судьбе отца и старшего брата Ваншана, и каждый раз, когда в их ставке появлялись посыльные с различными донесениями,

душа его замирала – он страшился дурных вестей. Так, в неведении, прошел остаток ночи, и лишь под утро пришла первая новость – отец ранен, но жив. Его отвезли в чудом уцелевшую мечеть, из которой мародерам, по-видимому, нечего было тащить. Эбду тут же помчался туда.

По дороге ему предстала страшная картина ночного сражения. Только теперь стали понятны масштабы потерь: кругом, куда ни кинь взгляд, лежали человеческие тела, свои или вражьи – не разобрать, конские туши, а меж ними сновали огромные стаи радостно галдящих пирующих черных ворон. «Если столько народу полегло, то кто же в живых остался? – содрогнулась его душа. – А что с Ваншаном? Неужели погиб, раз до сих пор не дает о себе знать? Нет, скорее всего, ранен и лежит вот так, придавленный чьим-то телом». Разные мысли одолевали его.

А тем временем через сожженную деревню в сторону мечети тянулся жидкий ручеек обессилевших, опустошенных, едва волочащих ноги повстанцев. Обычно веселые, жизнерадостные лица не выражали в тот момент ни радости, ни горя, ни страха. словно сама жизнь утекла, сбежала от них, оставив вместо себя какое-то унылое ко всему безразличие. При их виде у ахуна Ма Лихэра на глаза набежали слезы. «Души моих братьев требуют слов, которые лечат. И только я знаю их», – подумал он про себя, вспоминая подходящие суры священного Корана.

Увидев отца, Эбду бросился к нему. Но обнять его не удалось – левое плечо Железного Кулака туго обтягивала повязка, сквозь которую проступили пятна крови. Лицо было гораздо бледнее обычного.

– Ничего страшного. На пику наткнулся, – отец тут же попытался успокоить сына.

– Глубоко вошла? – с волнением глянул на него Эбду.

– Сразу и не заметил. Потом чувствую, что-то силы быстро уходят. Крови много потерял. Но ничего... Известно что-нибудь о Ваншане? – с тревогой в голосе спросил он.

– Пока ничего. Ребята продолжают искать.

Отец тяжело вздохнул.

– А с тобой что? – неожиданно спросил он, всматриваясь в глубоко опущенную на правый висок черную повязку. Из-под нее проглядывала бурая полоска спекшейся крови. – Ну-ка, приподними.

– Не могу. Крепко присохла... Да ничего особенного. Царапина, – отмахнулся Эбду.

На самом деле, в том ночном бою Эбду приобрел свой первый из бесчисленных шрамов. Но эту рану он не забывал никогда. Именно она окончательно разделила его жизнь на своих и чужих. И вот почему. Во время сечи Эбду заметил одного всадника из ханьских добровольцев. В широко распахнувшемся боевом халате, с широким мечом в сильных руках он высматривал очередную жертву и нападал подобно хищному горному орлу, молниеносно разя ее своим оружием. На глазах Эбду он снес головы двум дунганским воинам.

– Э-эй!!! – бешено, раздирая глотку, прохрипел Эбду, подгоняя коня к ханьскому воину. Тот, видать, услышал этот дикий крик, так как мгновенно обернулся на него. И в тот же момент они узнали друг друга.

– Линь! – воскликнул Эбду.

– Эбду! – отозвался всадник.

Мао Линь был сверстником Эбду и считался лучшим учеником ушу на другом, южном берегу реки Вей. В друзьях-товарищах они не ходили, но знали друг друга довольно хорошо, так как часто встречались на состязаниях и при каждой встрече обязательно обменивались дружескими, беззлобными колкостями, а иногда встречались, чтобы разучить кое-какие новые приемы.

Теперь же, разом спрыгнув с коней, они стояли лицом к лицу, с обнаженными окровавленными мечами и неподдельной ненавистью в глазах. Лунный свет ярко освещал место их смертельной схватки.

– И тебе тоже пограбить нас захотелось? – прищурился глаза, проговорил Эбду, мягко перемещаясь по черной земле.

– Мы пришли наказать вас. Вы мятежники и предатели, – голос Линя прозвучал твердо и уверенно.

– Жалкие завистники и мародеры, вот вы кто, – усмехнулся в ответ Эбду.

– Вам не место среди нас, – с презрением бросил Линь и, взмахнув мечом над головой, бросился в атаку. Эбду легко отбил его и попытался нанести в ответ рубящий удар. Но Линь ловко увернулся. Однако в его глазах мелькнули искры страха, и Эбду их заметил. Он тут же продолжил натиск, и его меч в этот раз достал левое плечо Линя, распоров латы из бычьей кожи. От острой боли Линь вскрикнул и, в свою очередь совершив обманный выпад, нанес очень сложный, коварный удар. Эбду с трудом, в самый последний момент успел отбить его, но меч Линя со звоном скользнул выше и холодным острием рассек лицо Эбду от правого глаза до уха. Кровь обильно заструилась, заливая глаз. Но Эбду не стал смахивать ее, левым глазом наблюдая за соперником. В какой-то момент Линь слегка оступился, на долю секунды потеряв равновесие, чего и хватило Эбду, чтобы успеть нанести удар мечом по его опорной ноге. Как подкошенный, Линь упал на землю. Тщетно теперь пытался он защититься вытянутым вперед мечом от мощных, разящих, подобно молниям, ударов Эбду. Через несколько мгновений его оружие вывалилось из рук, и острое лезвие меча Эбду прошло сквозь тело, с хрустом перебив спинной хребет. В выпученных, закатившихся, предсмертных глазах Линя не было более ни ненависти, ни злобы, ни своих, ни чужих, ни боли, ни муки – они безразлично смотрели в звездную бездну. «Как сильно маньчжурам удалось людям мозги запудрить, что даже такой парень, как Линь, словно бешеный пес, кинулся на нас. Верно говорят: жизнь сорит, и лишь смерть примиряет», – промелькнули мысли Зеленого Вихря, прежде чем он с каким-то звериным, отчаянным воплем, вырвавшимся из груди, сорвался с места и бросился в бушующее вокруг него побоище...

После утренней молитвы вокруг ахуна Ма Лихэра столпилась возбужденная толпа людей.

– Ахун, что делать с погибшими?.. Их так много. Мы не сможем для всех могилы вырыть... На кладбище мест не хватит... – посыпалось на него со всех сторон.

– Братья, наших павших героев мы будем хоронить в общих могилах прямо на поле боя. Так поступал во время сражений наш Пророк Мухаммед, мир ему и благословение, – успокоил людей ахун и добавил: – Сейчас наша задача – собрать их тела.

Так нашли Ваншана, изрубленного, несколько раз проткнутого пиками. Из отряда молодых шахидов в живых не осталось ни одного бойца, потому никто не мог рассказать о его последних мгновениях жизни. Однако груда убитых ханьских добровольцев, лежащих рядом с ним, лучше любых слов обрисовывала тот финальный бой.

– Уже больше десяти тысяч наших братьев захоронили, а им всё еще нет конца, – прошептал Железный Кулак, обняв за плечи Эбду.

Ахун Ма Лихэр два дня перемещался от одной братской могилы к другой, читая скорбные молитвы. Около шестнадцати тысяч дунганских повстанцев легли в сырую весеннюю землю. Закапывать тела павших ханьцев у людей просто не хватило ни сил, ни желания, и потому их оставили лежать на полях, отдав на растерзание диким зверям и птицам. «Всё равно в ближайшее время

здесь не жить и не пахать. Надо думать, как бороться дальше», – прозвучал голос ахуна на военном совете.

– Братья, нам нельзя сходитьсь с маньчжурами в таких схватках. Их намного больше нас. Нужна другая тактика. Мы должны жалить врага, как злые осы, расчленять крупные отряды и нападать на них, подобно голодным тиграм. Я предлагаю уйти в горы, собраться с силами, создать новые батальоны и двинуться на Сиань. Только так мы заставим Пекин разговаривать с нами на равных, – кратко изложил свой план Зеленый Вихрь. Оставшиеся в живых немногочисленные командиры отрядов дружно поддержали его.

Слухи о страшной битве у Небесных Тополей и ее героях – Зеленом Вихре и ахуне Ма Лихэре долетели до самых отдаленных уголков провинции Шэньси. С людей словно сорвались сковывавшие их доселе цепи страха. Местные ахуны решили не отставать от набиравшего невиданный авторитет Ма Лихэра и возглавили свои народные дружины, которые первым же делом кинулись громить окружные и уездные ямыни. В одно мгновение провинция запылала словно сухой камыш. Так началось долгое, кровавое, беспощадное, за пределами жестокое восстание дунган против великой Цинской империи.

Генерал Мао вскоре узнал, кто стоит за хитроумными планами повстанцев. «И этот малолетний стратег-самоучка пытается бросить вызов мне, генералу, раздавившему на полях сражений сотни таких, мнящих себя полководцами, гусениц?!» Давно не испытывал он такого унижения, странного, мерзкого чувства, не дающего покоя ни днем ни ночью. «Позор сродни родимому пятну, появится – и ничего ты с ним не сделаешь: не отмоешь, не соскребешь. Единственное средство – это затушевать его реками крови, тысячами отрубленных голов, сожженными деревьями...» Только страшная месть могла удовлетворить и успокоить его сотрясающуюся в ярости душу.

* * *

Март 1871 года. Ставка генерала Мао вблизи города Саньципу

С раннего утра генерал Мао принимал от командиров и начальников служб доклады о готовности к походу. Выстроившись в одну линию, они по очереди выходили вперед, отбивая по несколько предписанных ритуалом поклонов.

– Всех жителей Саньципу казнили. Крепостные стены сровняли с землей. Дома сожгли. Мои батальоны к выступлению готовы, – доложил командующий пехотными войсками, которые обычно выполняли и охранные, и карательные действия.

Генерал удовлетворенно кивнул головой и произнес:

– Следующий.

– Порох, пули, стрелы, провиант и фураж загружены в полном объеме. Вверенные мне части к походу готовы, – отрапортовал начальник тылового обеспечения.

Затем о своей готовности сообщили командующие кавалерией и артиллерией. Генерал выслушал их, ожидая главного – что скажет командир армейской разведки.

– Господин генерал, разведкой установлено – дунганские мятежники разбили лагерь в двадцати ли от города Ланьчжоу. Их общее число оценивается в тридцать пять тысяч человек. Из них бойцов не более восьми тысяч. Возглавляет злодеев Зеленый Вихрь. Это точно. Активных действий пока не замечено. На пути к ним обнаружены три секретных поста, но мои люди сумели незаметно обойти их, – лаконично доложив, командир склонил голову в ожидании дальнейших расспросов.

– Есть связь с правителем Чжаном Сяолунем?

– Нет. Видать, им удастся перехватывать посыльных. Но на город нападать они не собираются. Сил маловато.

– Согласен. Для них главное – Хеси... Командиры, слушайте мой приказ! Выступаем немедленно. Темп движения ускоренный. Да помогут нам Силы Небесные! – громогласно объявил о начале похода генерал.

Усевшись поудобнее в своей роскошной повозке, он приказал адъютанту Ван Ли поплотнее затянуть шелковые занавески на окнах, после чего, прикрыв глаза, погрузился в воспоминания, унесшие его в самое начало этой бесконечной войны. И тут же заскребло на сердце, накатило неудовлетворенное чувство мести за полученное унижение, за разрушенную, несбывшуюся мечту стать великим, легендарным полководцем, подобно Юэ Фэю или Мао Мао. А ведь когда-то всё складывалось как нельзя лучше, словно добрые духи парили над ним. После множества славных побед над тайпинами его имя вознеслось высоко, как императорский стяг, солдаты и офицеры считали честью попасть в непобедимую армию генерала Мао Хунлиня. «И какой злой дух вселился в меня и повел на этих треклятых дунган? Чем я провинился перед Небом, что оно решило так посмеяться, поиздеваться надо мной?» – вырвалось с губ генерала в затемненной повозке.

– Вы что-то сказали, господин генерал? – вздрогнув, учтиво спросил адъютант.

– Нет. Ничего, – одернул себя генерал.

После того вечера, когда он заручился поддержкой и одобрением пекинских вельмож, его ожидала великая слава – он превращался в народного героя, возвращающего назад исторические земли. До неземного почета оставался один шаг. «Однако не зря говорится, что слава – это начало позора», – опять горько вспомнилось ему. Ну, а главной насмешкой судьбы стал какой-то молокосос, имя которого зазвучало чаще и громче его, генеральского. Во время своих редких появлений в Запретном городе генерал Мао кожей чувствовал на себе презрительно-оскорбительные взгляды пекинских вельмож, чьих надежд он не оправдал и которые теперь дружно сбились вокруг ненавистного им советника Суна, ставшего абсолютным фаворитом Сына Неба. Генерал Мао решил не показываться в Пекине до тех пор, пока не расправится до конца со всеми мусульманскими смутьянами Поднебесной, ибо только таковой оставалась последняя возможность вернуть свой былой авторитет...

– Единственное, что они понимают и чего боятся – это сила и жестокость, – однажды во время военной кампании изрек генерал, беседа с доктором Хуа То третьим. – Особенно жестокость. Она вызывает страх. Страх парализует волю. А люди без воли – овцы.

– Однако их воля до сих пор не сломлена, и они отвечают нам не меньшей жестокостью. А это вызывает тревогу. Наш народ несет огромные жертвы, – возразил преданный доктор.

– Ничего страшного я в этом не вижу, потому что нас, ханьцев, несравненно больше, – цинично ответил генерал.

– Иногда людям не следует подыматься выше самого Неба.

– Что вы имеете в виду?

– Небо создает множество различных народов и вер неспроста, и цель сего неподвластна человеческому пониманию. Неужели нет другого способа решить проблему с этим народом?

– Мне такой способ неизвестен, – слукавил генерал. Уж он-то хорошо знал, что советнику Суну удалось начать мирный диалог с дунганскими повстанцами.

Доктор, вздохнув, промолчал. Ему тоже было известно об успешных переговорах советника Суна со многими командирами Великих батальонов и влиятельными ахунами...

Генерал Мао Хунлинь выбрал другой путь усмирения непокорных дунган – истребление. И не сходил с этого пути ни на один цунь. У него было немало сторонников в Запретном городе. Однако чаша весов в противоборстве взглядов стремительно склонялась в сторону советника Суна, тем самым словно посыпая соль на незаживающую рану генерала и приумножая его многолетнее унижение. «Ничего, наступит день, когда в Пекине вновь заговорят обо мне, начнут подобострастно бить поклоны и построят в мою честь каменную арку Освободителя Западных земель», – генерал слегка приободрился. А память вновь заскользила по прошедшим годам и замерла на годе Черной собаки, а еще точнее, на одном невероятном событии, произошедшем в том несчастливом для него году.

* * *

1862 год. Год Черной собаки

...После позорного сражения побитая армия генерала Мао медленно вползала сквозь распахнутые ворота за спасительные крепостные стены древнего Сианя, напоминая собою истерзанную хищными зверями гигантскую змею. Горожане с ужасом глядели на колонны уставших, обессиленных солдат, угрюмых, мрачных офицеров и еле волочущих ноги, обвязанных пропитавшимися кровью и пылью повязками раненых. Генеральская повозка, быстро обогнав армейскую колонну, исчезла в направлении губернаторской резиденции. В зале Небесного Спокойствия взволнованный губернатор уже собрал своих ближайших помощников: мэра и коменданта города, командира гарнизона и пятерых советников высшего ранга. Генерал Мао, прибыв в резиденцию, первым делом отправился в свои покои, с помощью доктора Тао опустился в дубовую бочку-ванну с восстанавливающими силы травами, затем облачился в новые одежды и, накинув на плечи боевой халат, расшитый извивающимися драконами, двинулся на встречу. После долгих взаимных поклонов генерал перешел к делу.

– Хочу сразу успокоить уважаемых господ. Мы не проиграли сражение, мы получили прекрасный опыт и теперь знаем, с кем имеем дело, – обратился он к собравшимся в зале Небесного Спокойствия. – Никакого повода для волнений и беспокойств нет. У нас достаточно сил уничтожить врага в кратчайшие сроки. А действовать мы начнем здесь, за этими древними, великими стенами. По моим данным, в городе проживает не менее двухсот тысяч дунган. Не так ли, господин губернатор?

– Это вопрос к мэру города. Про город он знает всё, – ответил губернатор.

– Да, именно столько, – мэр подтвердил слова генерала.

– И все они живут во внутреннем городе? – спросил генерал Мао, глядя в сторону мэра.

– Да, в основном в мусульманском квартале. Так сложилось с древних времен.

– Это упрощает нашу задачу, – с удовлетворением заметил генерал.

– Позвольте спросить, а что за задача? – поинтересовался губернатор провинции.

– Довольно-таки простая. Моя армия вместе с вашим городским гарнизоном ночью вырежет их всех до единого. Война объявлена, и мы должны действовать. Долго тянуть не будем. На подготовку я отвожу трое суток.

От услышанного у присутствующих пробежал по спине холод и подкосились ноги. «Вырезать всех дунган города?! Вот так просто?» – такие мысли столь отчетливо прорисовались на изумленных лицах сианьских вельмож, что генералу пришлось тут же сурово нахмурить брови и добавить:

– Вы что, не понимаете?! Это война! И враг рядом с нами! Если не мы, то они нападут на вас, ваши семьи. Вверенной мне Сыном Неба властью я приказываю приступить к осуществлению плана. И еще. Кроме нас, об этой операции не знает больше никто. Если проболтается хоть один, под императорский суд отправятся все.

После окончания короткого совещания генерал покинул отцов города и отправился налаживать порядок в своей потрепанной армии.

– Итак, что делать будем? – губернатор обвел взглядом примолкших, потрясенных услышанным вельмож. Их охватили самые разные чувства: за столетия совместной жизни одни успели породниться, другие вели совместные дела, а кое-кто попросту кормился за счет предприимчивых дунган. Теперь весь привычный уклад должен был в одночасье рухнуть, исчезнуть, оставив после себя лишь смерть и горе. Но послушаться приказа генерала Мао и тем самым навлечь на себя несчастья тоже никто не хотел – ведь страшен гнев Великого Императора.

– Придется выполнять приказ, – тихий, со вздохом голос мэра донесся до ушей губернатора.

– Верно. Работать будем с усердием, – продолжил губернатор. – Господин комендант, подготовьте план улиц и домов, пронумеруйте их и отметьте все запасные выходы. Не дай Бог, заподозрит он нас в медлительности или, чего хуже, в саботаже. Начальник городского гарнизона Чу Линь, вы переходите во временное подчинение генералу Мао. Всем держать язык за зубами. – После этих слов все вышли наружу, расселись по своим паланкинам и отправились выполнять работу.

Прошло три дня. Стояла глубокая ночь. Генерал отдавал последние наставления командирам батальонов и начальнику сианьского гарнизона.

– Итак, каждый офицер имеет на руках подробную карту с отмеченными на ней домами дунган. Операцию начинаем после боя Большого барабана. В дома врываться без предупреждения. Всех без исключения убивать на месте. Помните, что особая команда будет перепроверять вашу работу. Если найдут живых или спрятавшихся, то под военный трибунал отправитесь и вы лично. Задача ясна?! – закончил генерал и обвел всех столь зловещим взглядом, что у многих по коже пробежала дрожь. – Разойтись по местам!

Дунгане Сианя занимали огромный квартал в самом центре города, сразу же за Барабанной башней. Они ни сном ни духом не ведали о приближающейся к ним катастрофе и, несмотря на недавние волнения, продолжали вести обычную, размеренную жизнь. Поводом для такого спокойствия служило древнее соглашение между дунганской общиной и мэрией города Сианя: городские дунгане дали слово не бунтовать, не поддерживать никакие мятежи и восстания, а взамен получили мир и покровительство со стороны городских властей. Благодаря этому соглашению предприимчивые сианьские дунгане богатели из года в год, естественно, не забывая кормить самого губернатора провинции, городского мэра и целую армию чиновников всех рангов и мастей. Большая Сианьская мечеть по красоте и роскоши не знала себе равных во всей Поднебесной, а каменные, в два и три этажа дома кушцов и торговцев словно состязались между собой – чей лучше! На улицах мусульманского квартала шум и бойкая торговля смолкали лишь глубокой ночью, чтобы с раннего утра всё начать с прежней силой и задором. И так продолжалось добрые полтысячи лет.

Та ночь должна была оказаться последней в истории мусульманского квартала и дунган города Сиань. Счет шел уже не на часы, а на минуты. Охрана наглухо заперла все городские ворота, а командиры отделений торопливо выводили из казарм своих солдат. Офицеры отдавали последние указания, генерал молча сидел в высоком кресле на открытой террасе губернаторско-

го дворца, поглядывая в сторону очертаний гигантской Барабанной башни, слившейся с плотной ночной теменью. Притихшие губернатор провинции, мэр города и советники высшего ранга испуганно поглядывали на генерала, будто он был демоном, сошедшим с небес, и отсчитывали про себя заключительные мгновенья спокойной жизни. Им не верилось, что с боем барабана улицы мирного города зальют реки человеческой крови, тихие дворики заполонят бездыханные трупы, а радостную детскую беготню и веселый смех сменит унылая кладбищенская тишина.

– Ну вот и всё, – прошептал мэр города, услышав громовые раскаты огромного барабана. Но что-то тут же его насторожило. «Странный бой, – подумал он. – Вроде бы наш барабан, но какой-то не совсем наш... Уж больно резкий и раскатистый».

– Что за чертовщина?! – Генерал Мао резко поднялся с кресла.

Однако после раздавшегося вдогонку очередного грохота стало понятно, что это гремел не барабан, а невесть откуда взявшаяся гроза. Задул сильный ветер, и на террасу обрушились необычно крупные капли ледяного дождя. Еще миг – и дождь захлестал так, будто море и небо поменялись местами. Между солдатами, выстроившимися в боевые ряды, выросли водяные стены, от непрерывных раскатов грома они перестали слышать друг друга, а яркие молнии, рассекающие воздух от неба до земли, слепили глаза. Потоки вспенившейся воды понеслись по улицам города, сбивая с ног солдат и офицеров, которые, недолго думая, дружно кинулись назад в казармы. О проведении карательной операции не могло быть и речи – самим бы в живых остаться.

Генерал и вельможи в считанные секунды промокли до нитки и стремглав понеслись под своды спасительного дворца.

– Переждем грозу и начнем, – спокойным тоном произнес генерал, сбрасывая с себя халат.

– Неожиданно как-то, – тихо, с подозрением на некий небесный подвох заметил мэр города.

– Скорая гроза долгой не бывает, – с видом знатока поспешил заверить всех начальник гарнизона.

Однако дождь лишь усиливался, и к утру во дворце появились чиновники с тревожными новостями: «Дождь не стихает, вода не успевает вытекать за пределы стен... Город по колена в воде... Продовольственные амбары затапливает... Пороховой склад уходит под воду...»

Мэр города удалился в дальний зал с установленным в нем алтарем и не отходил от него, бесперывно взывая к Небесным духам о помощи. Его не отпускала мысль о том, что внезапная гроза пришла неспроста, что это некий грозный знак и только он, мэр города, может отвести от древней столицы Поднебесной страшную беду. Но что делать? «Буду молиться и ждать. Не отойду отсюда ни на шаг, пока Небо не даст мне ответ», – так он решил про себя.

Во время обеда, поданного без задержек, в положенное время, генерал Мао заметил, что за огромным столом отсутствует мэр города.

– А где наш уважаемый мэр? – поинтересовался он у начальника гарнизона, с аппетитом уплетающего поджаристую утиную грудку.

– Он у дворцового алтаря.

– Насколько я помню, он отправился туда еще ранним утром, – с удивлением заметил генерал.

– Видать, его общение с духами предков слегка затянулось, – чуть улыбувшись, вставил свое слово губернатор провинции.

– Он очень разволновался из-за этого дождя. С чего бы так? – в вопросе генерала Мао прозвучало любопытство, смешанное с легкой подозрительностью.

– Наверное, оттого, что таких дождей здесь сроду не видали.

– Но на вас эта падающая с неба вода такого впечатления не произвела, не так ли, господин губернатор?

– Я родился и вырос на юге у моря. Такими дождями нас не удивить. А он местный. Здесь эдакое – крайняя редкость.

– У него тесные связи с дунганями?

– Как и у всех нас, в основном деловые.

– Это правда, что мусульмане контролируют весь торговый путь на запад?

– К сожалению, да.

– Поверьте мне, скоро всё перейдет в руки нашего ханьского народа. И земля тоже.

– Как редко нынче встречаются люди со столь благородными целями. Вы, несомненно, посланы самим Небом, господин генерал.

– Наш народ заслуживает лучшей доли – таково мое глубокое убеждение.

– Полностью разделяю ваше мнение, господин генерал.

– Исторические ошибки обычно приходится исправлять потомкам. Не создавать их – вот в чем мудрость государственных мужей.

– Предвидеть на сотни лет вперед – удел немногих. Сегодня я счастлив находиться рядом с таким человеком, – губернатор провинции, бесспорно, умел льстить.

В это время в обеденном зале появился мэр города. Отбивая почтительные поклоны губернатору и генералу, он с трудом скрывал охватившее его сильное волнение.

– Вы нервничаете, мой дорогой друг. Всё ли в порядке? – с тревогой спросил губернатор провинции.

– Говорят, вы общались с духами предков, так ли это? – в свою очередь добавил генерал.

– Да. Столь внезапная гроза и небывалое до сих пор наводнение сильно обеспокоили меня.

– Капризы природы, – усмехнулся генерал.

– Я не отходил от алтаря, пока не услышал голос свыше.

Мао загнул бровь в легкой оторопи:

– И что же он сказал?

– Не нарушайте Большой договор, иначе Небо покарает вас.

– Какой еще договор?

– Пятьсот лет назад городские власти и дунганская община дали друг другу клятвенное слово – жить в мире и согласии. Назвали его Большим договором. С тех пор здесь порядок и спокойствие, хотя за стенами города дунгане всё время устраивают смуты и мятежи.

– Это действительно так? – взгляд генерала Мао пробежался по лицам городских вельмож.

– Как ни странно, но у нас с ними нет проблем, – прозвучал в ответ голос губернатора.

– Хм-м... И каким же образом Небо накажет нас? – Мао повернулся к мэру. На губах генерала играла легкая усмешка. Как истинный военный, он уже давно не верил в чудеса, доверяя лишь проверенному оружию.

– Ливень не стихнет, и наш город сгинет в страшном наводнении.

– Ну, и как мы можем спасти его?

– Ваша армия должна покинуть город. Как только нога последнего солдата ступит за крепостные стены, тучи развеются, и выглянет солнце.

– Мне почему-то кажется, дождь и так скоро стихнет, – в словах Мао явно сквозил вызов.

– Господин генерал, я прошу вас не испытывать Небо, – взмолился мэр города Сианя.

– Господа, – обратился к присутствующим Мао, – не прислушаться к словам, посланным нам самим Небом, верх неблагоразумия. Однако обычным ударам стихии не следует придавать сверхъестественных качеств. Город всего лишь по колена в воде, и до страшного наводнения еще совсем далеко. Последний солдат покинет город, когда будет покончено с дунганями. А теперь продолжим наш обед.

Но странная гроза совсем не желала останавливаться, вода лилась по-прежнему как из ведра, а всполохи молний освещали землю так, что никто не понимал, день на дворе или ночь. Еще через сутки вода в городе поднялась до пояса. Генерал продолжал упрямо не замечать надвигающуюся катастрофу. Он с явно преувеличенным аппетитом поглощал обед и всячески нахваливал дворцовых поваров.

Бедные горожане не имели права покинуть город и пребывали в глубочайшем страхе. «Неужели нам всем суждено захлебнуться в мутных дождевых водах?» Запертые в своих домах, они с ужасом наблюдали за медленно поднимающейся водой. Несколько смельчаков, пытавшихся найти спасение за городскими укреплениями, вода просто сбила с ног и, закрутив в бесчисленных водоворотах, унесла с собой. Вскоре их тела безмолвно колыхались у могучих каменных стен.

Чувство страха впервые охватило генерала на шестые сутки, когда во дворце, воздвигнутом на самом высоком месте города, отменили обед, а по мраморным полам поплыла самая разная утварь и мебель.

– Откройте Северные ворота и спустите воду, – попросил он мэра города.

– Они открыты с первого дня, но вода не успевает уходить, – ответил мэр. – Вам надо срочно принять решение, господин генерал.

– Хорошо, я уведу солдат. Но если не развеются тучи и не появится солнце, я вернусь назад, – предупредил он мэра. Затем обернулся к командиру гарнизона: – Передайте мой приказ! Вдоль улиц натянуть канаты. Всем обвязаться веревками. Передвигаться только группами. – Уж чего-чего, опыта и смекалки у генерала хватало.

Едва живые солдаты в затопленных казармах с ликованием встретили приказ генерала Мао. Самые нетерпеливые кинулись наружу и были тут же смыты как детские деревянные игрушки. Их несчастные головы мгновенно исчезли в вихрящихся бурунах воды. Протяжка канатов по улицам потребовала много времени, сил и труда. Особо опасные участки поджидали солдат у распахнутых настежь Северных и Восточных ворот, где выхлестывающая наружу вода набирала скорость, и попавшие в ее стремительное течение могли уповать лишь на милость Небесных духов.

Генерал Мао стоял под проливным дождем на террасе дворца и с ужасом смотрел на погружающийся в мутные воды Сиань. «Неужели мэр прав, и Небо шлет нам свой сигнал? Но в чем его справедливость? Оно не желает их уничтожения? Да кто они такие, эти дунгане-магометане?.. Хотя, давайте сначала увидим, действительно ли это знак Неба», – так рассудил генерал, усаживаясь в паланкин, который с огромным трудом удерживали над пенящейся водой солдаты. Практически выплыв за крепостные стены и ступив на твердь земли, генерал взглянул на город со стороны и с неописуемым изумлением обнаружил, что черные грозовые тучи, извергавшие ливень и молнии, сбились в одну гигантскую свинцовую шапку, которая неподвижно висела лишь над древней императорской столицей, при этом ничуть не тревожа пригородные деревни, поля и пашни.

– О, Силы Небесные! Что же это такое?! – воскликнул он, не веря своим глазам. И в тот же миг, когда город покинул последний солдат, тучи стали стремительно рассеиваться, выглянуло солнце и ничто более не напоминало о страшной стихии.

– Это знак! Небо не желает войны! – добавил потрясенный генерал и в тот же день увел войско в полевой лагерь.

Наутро, вызвав командиров на совещание, он обратился к ним:

– Командиры, вы знаете, нам, военным, трудно верить в сверхъестественное, в чудеса. Но то, что мы с вами увидели – явный знак Неба. Видать, Небесные силы предостерегают нас от войны с дунганями, и я не могу пойти против их воли. Мы сворачиваем лагерь и возвращаемся назад. Я уже отправил письмо о завершении похода и надеюсь, в Пекине меня поймут.

Однако вернуться в Пекин ему не удалось. Ответное письмо от министра по военным делам прибыло назад необычно скоро и звучало жестко и отрезвляюще: «...В связи с определенными, конфиденциальными обстоятельствами похода Ваше возвращение не будет рассматриваться военным трибуналом как проявление трусости и бегства с поля боя. Но не забывайте, дорогой генерал, что вас ожидает более печальная участь: потеря лица – медленная смерть, забвение – вечная заноза в сердце, презрение – тяжелая гиря на ноге, а усмешки советника Суна – нескончаемые укусы ядовитого паука. Войну уже не остановить: вода обрушилась на мельничное колесо, жернова завертелись. Поверьте, в Сиане был лишь обычный затяжной ливень, и не стоит ему придавать особого значения».

Глава четырнадцатая

1871 год. Лагерь дунганских повстанцев вблизи города Ланьчжоу

После внезапного отъезда Зеленого Вихря Лотар остался в палатке под бдительной охраной двух «неприметных». С винтовками наперевес они молчаливо сидели напротив него.

Хождение по тонкой, словно лезвие бритвы, грани между жизнью и смертью превратило Лотара в непоколебимого фаталиста: «Мой жребий брошен, нить жизни соткана, и только богиня Атропос знает, когда перерезать ее». Ему нравились древнегреческие мифы. «Ну а кто же еще, кроме высшей силы, определяет нашу судьбу? Неужели все-таки сам человек?.. Да, я мог уйти. Мне дали коня и свободу. Но я остался... Почему? Чего ради?.. Чтобы помочь совершенно чужим людям, готовым, между прочим, в любой момент отрезать мне, идиоту, голову?.. Да! Сегодня, кстати, я сам решил, что мне делать. Так что, уважаемые Боги, не обижайтесь, но это действительно было мое решение! – Лотар улыбнулся неожиданным мыслям. – Ладно, выкинуть надо из головы все эти глупости... А вот куда же отправился Зеленый Вихрь, бросив на прощанье довольно странные слова? И что, если он не вернется?.. Хм-м...» Не найдя на вопрос ответа, он огляделся по сторонам. В этот момент в палатку вошла Ясминэ.

– Ясминэ, можно я пройду по лагерю? – Лотару очень хотелось выйти из палатки, размять ноги и тело.

– Они будут с тобой, – ответила Ясминэ и кивнула головой двум «неприметным».

В их сопровождении Лотар вышел наружу. Над головой висело яркое солнце. Высоко в небе выводил свои чудные рулады певучий степной жаворонок, а от огромного лагеря шел монотонный человеческий шум и гвалт, показавшийся Лотару в тот момент благостным, божественным хоралом. На глазах у ватаги любопытных детишек он с удовольствием проделал несколько гимнастических упражнений. Бодрость и свежесть наполнили тело, и он решил побродить по лагерю. Кругом кипела работа: люди деловито копались у повозок, освобождались от тяжелых поклаж, что вызывало у примолкших хозяек искренние слезные всхлипывания, смазывали жиром оси колес, устанавливали

по бокам крепко сколоченные деревянные щиты. В многочисленных походных кузницах чинилось оружие, затачивались притупленные в боях лезвия мечей, секир, топоров. Через некоторое время, взглядываясь в лица озабоченных, занявшихся подготовкой к прорыву людей, Лотар невольно отметил про себя, что дунгане, на первый взгляд так похожие на ханьцев, все-таки имеют некие отличия, которые он стал теперь замечать: «Например, вот этот кряжистый старик-плотник. Он и ростом, и шириной кости несопоставим, и такое узкое лицо с крупным хищным носом не встретишь среди ханьцев. Ну а кудрявых волос, как у этого подростка, вообще у ханьцев не замечал... А вот у этой женщины глаза хоть и припрятаны под платком... Где же я видел похожие?... Ах, да. У персидских красавиц, Мм-м... Да. Много кровей здесь замешано... А вот еще. С чего это вдруг генерал Мао и его подручные убеждали меня, что дунгане самый злобный народ на земле? Люди как люди. Видно, что мирные, работающие, мастеровые, порядок уважают, богобоязненные, с твердой верой. Э-эх, и откуда вражда между людьми берется? Ну прямо как у нас с французами». Однако дольше порассуждать на эту тему ему не удалось. Неожиданная, совсем другая, где-то в подсознании вертевшаяся мысль словно вырвалась наружу и обожгла висок. Он тут же завертел по сторонам головой и, развернувшись, двинулся назад, к ловко сколачивающему деревянные щиты плотнику. Двое «неприметных» молча переглянулись и, пожав плечами, устремились за ним.

– Послушайте, уважаемый, – отдав почтительный поклон, Лотар обратился к изумленному умельцу на правильном ханьском языке. У крепкого старика от изумления выпал из рук молоток. – Я вижу, вы хороший мастер. Мне нужна одна вещь. Вы сможете ее сделать. Я уверен. – Он говорил быстро, при этом явно о чем-то еще размышляя и прикидывая в голове.

– Что он говорит? Что ему нужно? – Спросил растерянный мастер, обращаясь за помощью к «неприметным».

– Не знаем, – они дружно развели руками в стороны.

– Я сейчас объясню, – вновь заговорил Лотар. – Нет. Лучше чертеж нарисую. Тут есть бумага и тушь? – Он начал жестикулировать, показывая, что ему нужно. Но его вновь никто не понял.

– Может, он «того»? – выказал догадку один из «неприметных», покрутив пальцем у виска.

– Чего того?.. А-а... Похоже. Надо Яминэ срочно позвать, – предложил второй.

– Не надо. Идем назад, – перебил его Лотар и быстрыми шагами направился в штабную палатку.

Свою работу Лотар закончил, когда солнце уже стремительно закатывалось за высокие скалистые отроги Хесийского коридора.

– Вот, – он наконец-то приподнял голову. Напротив него, рядом с охранниками, сидела Яминэ. – Готово, – добавил он и протянул ей лист бумаги, на котором красовался четко вырисованный чертеж какой-то непонятной конструкции.

– Что это? – с удивлением спросила она, внимательно вертя бумагу в руках и пытаясь хоть что-то понять.

– Это очень важная вещь. Ее надо срочно изготовить, – как можно убедительнее произнес Лотар.

– И кому она нужна? – внимательно спросила Яминэ.

– Нам всем. Поверь мне.

– Кто ее может сделать?

– Там в лагере я видел одного старика-плотника.

– Кто это? – немедленно спросила Яминэ у «неприметных».

– Мастер Джен Лоян, – прозвучал ответ.

– Офицер Лода, а вы уверены, что он разберется в этом? – Ясминэ обернулась к Лотару, держа в руках бумагу с чертежом.

– Ну, кое-что не мешало бы ему объяснить лично.

– Хорошо. Мы ходим к нему вместе. Но по дороге вы расскажете мне, в чем важность этой штуковины.

– Договорились, – согласился Лотар...

Стояла глубокая ночь. В штабной палатке никто не спал. Все ждали Зеленого Вихря. Ясминэ откликнулась на каждый услышанный вдали стук копыт или ржание коней: она резко подымалась со своего места и выбегала из палатки, тревожно всматриваясь в гнетущую своей неизвестностью темноту. Так прошло еще несколько томительных часов, пока край чернеющей степной лепешки не осветился белесой краской наступающего рассвета. Вскоре тишину нарушил высокий голос муэдзина. Наступило время первой молитвы. Ясминэ бесшумно покинула палатку. Лотара, не сомкнувшего всю ночь глаз, теперь стало пробирать беспокойство. «Неужели с ним что-то произошло? – думал он про себя. – Вдруг действительно не вернется? Что тогда делать? Сумеет ли Ясминэ убедить этого ахуна воспользоваться моим планом? Или прощай моя голова? А еще хуже, погибнут люди...»

Лагерь медленно просыпался, оживая, стряхивая с себя утреннюю негу и тут же погружаясь в тревожную реальность. Люди суетливо сбивались в кучки, пытаясь узнать, вернулся ли Зеленый Вихрь. Они верили в него. И тем страшнее было узнавать, что его до сих пор нет. Вместе с восходящим солнцем народ стал собираться у штабной палатки. Вскоре сквозь толпу торопливо прошли ахун и его верные командиры. Их нахмуренные брови, сосредоточенные жесткие взгляды не предвещали для Лотара ничего хорошего. Как обычно, ахун расположился на возвышении у задней стенки палатки и негромко прочитал короткую молитву.

– Подождем батальонных командиров, – перебирая четки, проговорил он. Затем обернулся к Лотару: – Не часто в жизни выпадает услышать и понять слово Всевышнего. На многое мы не обращаем внимания, принимая всё за обыденность. И лишь в минуты отчаяния глаза наши прозревают, слух обостряется, и невидимое, непонятное вдруг становится откровением. Вот у меня такое случилось. А бывало ли у тебя такое?

– Еще нет, – слегка подумав, ответил Лотар.

– Не жалеешь, что не ушел от нас?

– Сожалеть о случившемся всё равно, что беспокоиться о кругах на воде.

– Хороший ответ. Однако речь идет о твоей жизни.

– Все мы рано или поздно умрем.

– Так лишь принято говорить. А на деле я видел самых бесстрашных людей, которые в свою последнюю минуту теряли лицо и цеплялись за жизнь, как утопающий за соломинку.

– Никому не дано знать свой последний миг.

– А у меня такое чувство, что ты знаешь.

– Хотелось бы заглянуть в свою книгу жизни. Но не дано, – слегка усмехнулся Лотар.

– Верно говоришь. Но в тебе чувствуется уверенность, что сегодня ты не расстанешься со своей головой.

– Я полагаюсь только на волю и силу божью.

– Ну что ж. Утро наступило, наш брат Эбду задерживается, и если мы отрубим тебе голову, то не нарушим данное ему слово. Ты согласен?

– Разве мое несогласие может изменить решение?

– Конечно, нет. Кстати, как ты собирался подорвать скалу?

– Об этом я хотел рассказать Зеленому Вихрю. Но не успел.

– И вряд ли успеешь. Слышишь шум? Это командиры идут сюда. Ну, а с ними и смерть твоя.

И действительно, в штабную палатку один за другим шумно входили возбужденные командиры Великих батальонов.

– Слава Аллаху!.. Слава Аллаху! – громко вторили они, и на их лицах сияла неподдельная радость. Никто из них не обращал особого внимания на впавшего в недоумение ахуна. – Расступись!.. Дайте людям пройти!.. – снова загремели их голоса, и в проеме палатки появилась крепкая фигура Зеленого Вихря в сопровождении неразлучного Мусы и сияющей от счастья Ясминэ.

Зеленый Вихрь протиснулся сквозь живой коридор и, подойдя к торопливо поднявшемуся со своего места ахуну, бросил ему под ноги тяжелый полосатый хурджун, насквозь пропитанный бурями, еще влажными пятнами крови.

Ахун мотнул головой, и командир Моргала тут же стал торопливо развязывать тесемки хурджуна. Затем, перевернув его, вытряс оттуда тяжело грохнувшуюся и покотившуюся по земле отрезанную голову со странной застывшей улыбкой на губах. Голова замерла прямо у ног Лотара. Он успел резко отвернуться в сторону, иначе его наверняка бы стошнило.

– Это голова шайтана. Его звали даотай Чжан Сяолунь. – На лице Зеленого Вихря промелькнула гримаса нескрываемой брезгливости.

– Так вот ты за чем ходил... – проговорил ахун.

– Итак, действовать будем по плану офицера Лода, – твердо произнес он.

– Ну что ж, это мудрое решение, – ахун не долго пребывал в недоумении и растерянности. – Считаю, что мои отряды в твоём подчинении. Но я хотел бы знать план офицера Лода.

– Мы обсудим его вместе, – предложил Зеленый Вихрь, кинув при этом сочувственный взгляд на Лотара с посеревшим лицом.

– Выкиньте эту гадость куда подальше, шакалам на съедение, – громко рявкнул ахун. – Кстати, с головы офицера Лода ни один волос не упал, – с растянувшейся на лице улыбкой добавил он.

– Это очень хорошо, – похвалил его Зеленый Вихрь.

– А маньчжур где? В расход отправили? – поинтересовался ахун.

– Нет. Отпустили, как и обещали, – прозвучал в ответ голос Мусы.

– Не может быть!.. Брат Муса, ты позволил ему вот так просто уйти?.. – раздалось несколько удивленных голосов.

– Хотите верьте, хотите нет, но он стал другим человеком, – с долей растерянности ответил Муса.

– Как это?.. – раздалось удивленные голоса.

– Еще по дороге к Ланьчжоу я заметил: с маньчжуром что-то не то, – начал рассказывать Муса. – Он вел себя как ребенок. Напевал, мурлыкал какие-то веселые песенки, а главное, взгляд у него стал тоже детский, чистый такой. Из глаз исчезли страх и затравленность. Он будто перестал бояться за свою жизнь. «Так ты монахом, что ли, станешь?» – спросил я его. «Это долгий путь. И я пойду по нему», – ответил он. «Хитрый лис, однако. Ждет, видать, подходящего момента, чтобы ноги сделать», – думал я.

Однажды он остановил нас: «Нам надо спешиться. Там секретный пост». Верить или нет? Мы с братом Эбду переглянулись. Затем брат Эбду взглянул ему прямо в глаза, а может, и в душу. Ну, вы знаете. Повернулся к нам и говорит: «Я верю ему». Короче, добрались мы до горной пещеры с тайным проходом. Сдвинули потайную дверь, там действительно спуск до самого ямыня. Точнее, до спальни даотая. Я иду за маньчжуром, держу револьвер у него под лопаткой. Думаю, ну, где-то здесь ты нас точно кинуть хочешь. Однако опять ничего не произошло. Когда уже назад вышли, брат Эбду говорит мне: «Такое

иногда случается. Человек может взять и в одно мгновение измениться, совсем другим стать. Просветлением это называется. Ахун Ма Лихэр как-то мне о таком рассказывал». – «Не может такого быть, – говорю я ему. – Хитрит он. Жить сильно хочет». Эбду пожал плечами – мол, понимай, как знаешь. Затем подозвал к себе маньчжура, срезал с него путы и говорит: «Ты свое слово сдержал, я свое тоже держу. Свободен! Езжай к Белому озеру. Только не попадайся больше на нашем пути». А он отвечает: «Тун Бао больше нет. Тун Бао умер». Меня в тот момент как затрясло. Думаю, ну как же так, ты, мерзавец, столько людской крови пролил, столько зла на земле совершил и сейчас просто так возьмешь и уедешь. Нет, не бывать такому! Вытащил револьвер, к башке его приставил и кричу: «Тун Бао, значит больше нет, умер он, да?! А ты кто тогда?! Дух небесный, что ли?! Считаю до трех и отправляйся в ад!» Маньчжур посмотрел мне в глаза таким детско-наивным, но совсем не жалобным взглядом, и негромко стал считать: «Один... Два... Три...» Мурашки пробежали по моей спине. Передо мной действительно стоял другой человек. «Четыре... Пять...» Ну и что мне делать?.. Не смог я убить его. Опустил оружие, стегнул плеткой его коня, и он растворился в ночи...

– Я бы все-таки перерезал ему глотку, – проговорил один из командиров.

– А знаете, – Муса обратился ко всем, – у меня на душе даже легче стало от того, что я его не убил. Столько лет мечтал о мести, а она взяла да и испарилась куда-то.

– Брат Муса, ты тоже, видать, другим стал. Может, ты уже и не ты, а? – раздался подтрунивающий голос Коротышки Вана.

– Сейчас врежу по лбу разок, сразу узнаешь, я или не я, – так же шутливо отозвался Муса.

«Вот так история... – подумал про себя Лотар, вместе со всеми внимательно слушавший рассказ Мусы. – И кто бы мог себе такое представить?»

– Офицер Лода! – внезапно донесся до него голос Зеленого Вихря. – Мы с ахуном Ма хотим обсудить твой план. Ты готов?

– Готов! – ответил Лотар...

Глава пятнадцатая

Через два часа отряд «неприметных» тихо покинул лагерь. Он двинулся в обратном направлении, держа путь навстречу армии генерала Мао. Еще через час вслед за ним двинулась группа всадников во главе с Зеленым Вихрем. Лотар держался рядом. Каждый всадник вел за собой запасную лошадь. Вскоре они оставили позади степные кочки и вышли на пыльную, давно не хоженную дорогу, по обочинам которой то и дело попадались разрушенные и сожженные караван-сарай, закусовые, загоны для верблюдов и бесчисленное множество каменных столбов для привязи лошадей. Их обилие напоминало о когда-то кипучей здешней жизни, но до сих пор им не встретилось ни одной живой души. Смерть и уныние, казалось, навсегда поселились тут, и это производило жуткое впечатление.

«Неужели это знаменитый Шелковый путь?» – озираясь по сторонам, подумал Лотар.

– Шелковый путь. Слышал о таком? – вновь словно прочитав мысли Лотара, заметил Зеленый Вихрь.

– Много веков назад его описал путешественник из Италии. Его звали Марко Поло. Даже представить не мог, что когда-нибудь окажусь здесь, – качивая головой, отозвался Лотар.

– А как он добрался досюда? Через страну русских? – с интересом спросил Зеленый Вихрь.

- Не помню, – честно признался Лотар.
– Почему ты решил помочь нам? – неожиданно прозвучал вопрос.
Лотар ждал этого вопроса. Но так и не подготовил на него ответа.
– Наверное, потому, что могу спасти тысячи жизней, – не очень убедительно прозвучал ответ.
– Или искупить вину за Саньципу?
– И это тоже.
– Скажу честно, твоей особой вины там нет. Город и без тебя бы пал. Голод страшнее пушек.
У Лотара чуть отлегло с сердца.
– Сколько времени длилась осада? – поинтересовался он.
– Больше года.
– Больше года... – Лотар покачал головой. – Я видел жителей и защитников города. Они действительно были в отчаянии. Как им вообще удавалось держать оружие в руках?
– Ни у кого уже не было сил. Мой отряд ушел незадолго до сдачи города.
– Вы поступили правильно. Но как вы прорвались?
– Есть секреты, о которых тебе не следует знать.
– А почему гарнизон и жители остались на верную гибель?
– Ты разве забыл?
– Ах, да. Этот мерзавец пообещал им жизнь и свободу.
– Я знал, что генерал не сдержит слово, и предлагал шейху Ма Вэйдуну вместе уйти в Кашгарию. «Я умру только здесь, на своей земле», – твердо ответил он мне. Уговаривать его не имело смысла.
– Кто он?
– Шейх Ма Вэйдун был истинным правоверным и вождем многих дунган.
– Его тоже казнили?
– Он умер шахидом. Его четвертовали. Затем генерал вырезал весь его род, от мала до велика. Сто тридцать две души.
– Какой же это подлый и жестокий зверь.
– За годы войны я тоже лишил жизни очень много людей. За смерть каждого я просил прощения у Всевышнего, так как смерть человеческая приносит на сердце печаль. Но если мне удастся убить этого шайтана, то радость моя будет величайшая.
– У тебя личные счеты?
– Да. Он последний из троицы нелюдей, которых я обязан отправить в ад. Голову даю, что Чжана Сяолуня ты видел сегодня утром. Еще был один жалкий, мерзкий предатель. Уездный писарь...
Какое-то время они проехали в молчании.
– Эти трое каким-то образом замешаны в гибели всех ваших близких. Верно? – высказал свое предположение Лотар.
– У тебя проницательный ум, – отозвался Зеленый Вихрь.
– Когда это случилось?
– Через полтора года после нашего восстания...

* * *

1863 год. Город Сиань

Осень в провинции Шэньси – лучшее время года. Спадает летний зной, сады и огороды полнятся урожаями, а жизнь людей – работой и предвкушением скорого радостного сезона свадеб. Собрать, продать, погулять – так было всегда. Но в ту осень всё выглядело по-другому. Цветущая провинция превратилась в подобие земного ада: брошенные, безжизненные деревни, обгорев-

шие фанзы, непривычно опустевшие города с разграбленными, вывернутыми наизнанку лавками и домами. И ненависть, жуткая и страшная. Дунгане и ханьцы при встрече даже не пытались говорить друг с другом. Они молча хватались за ножи, топоры, мотыги, и в живых оставался сильнейший. Не жалели ни детей, ни женщин, ни стариков. Не было числа вздувшимся, бугрившимся трупам среди заросших густым сорняком полей. Генерала Мао Хунлиня мало заботило творившееся вокруг. «Это война», – проговаривал он сквозь надушенный розовым маслом платок, всякий раз проезжая в своем паланкине мимо вздымающихся в воздух зловонных испарений.

В один из дней генерал прогуливался по парку губернаторской резиденции с тяжелыми мыслями в голове. Его не радовали ни распускающие хвосты павлины, ни плавающие в пруду золотые карпы, ни веселые певички в чайной беседке из белого мрамора. Он всерьез беспокоился о своей судьбе. Неожиданно чуть ли не нос к носу он столкнулся с застывшим в глубоком поклоне Чжаном Сяолунем. Генерал отвесил легкий поклон.

– Дядя, вас что-то гложет? – заметил наблюдательный племянник.

– У нас не лучшие времена. Если в ближайшее время ситуация не изменится, нам конец, – генерал решил пооткровенничать с ним.

– Не совсем понимаю вас.

– Понимаешь, в императорскую казну из провинции не поступает ни лян доходов. Амбары пустые, земля не возделывается. Армии не хватает продовольствия, фуража. Полтора года мы топчемся на месте, не можем начать широкое наступление. Скоро может начаться голод. Если император лишит меня головы, ну и тебя заодно, то он будет совершенно прав.

– Да, всё оказалось немного сложнее, чем мы ожидали. Постоянные набегі Зеленого Вихря мешают провести продажу земли.

– Я не знаю, как мне покончить с этим злодеем.

– Зато я знаю.

– Ах, вот, значит, ты с чем явился ко мне. Давай, выкладывай, не томи душу.

– Мы одним ударом уничтожим его змеиное гнездо.

– Ты выследил Зеленого Вихря?!

– Да, мой генерал. В следующую пятницу всё их семейство собирается в маленькой горной деревне Светлый Ручей. Двум племянничкам Зеленого Вихря будут проводить обряд обрезания. Это у них большое событие.

– От кого информация?

– От писаря Ма.

– Где находится деревня?

– Примерно в трехстах ли. Направление Ланьчжоу.

– Ты в своем уме? Их разведка глаз с нас не сводит. Наша армия и одного ли не пройдет, как они там разбегутся и попрячутся.

– Не надо армию. Хватит особого отряда полковника Юй Чунлиня.

– Ты уверен?

– Главное – внезапность...

* * *

1871 год. Шелковый путь

Зеленый Вихрь не был готов влезать в глубины своей памяти и делиться потаенным. Но он почувствовал, что у них с Лотаром разговор получается искренним, осмысленным. Ему даже показалось, что Лотар пытается проникнуть, осознать происходящее вокруг, чтобы определиться и занять собственную твердую позицию...

– Это случилось в крохотной горной деревушке с красивым названием Светлый Ручей, – неторопливо стал рассказывать Зеленый Вихрь. – Там после начала восстания нашла убежище наша семья. Прошло полтора года. Жизнь, как скрипучая повозка, вошла в свою колею и медленно покатила по ней. Люди снова стали отмечать праздники, играть свадьбы. Вот и мы решили провести обряд суннат двум сыновьям моего старшего брата Ваншана. Он погиб в сражении под Небесными Тополями. В жизни любой мусульманской семьи суннат отмечается празднично и весело. А так как обрезание – это все-таки больно, мальчикам обычно приносят много подарков. Моя жена Яолинь сшила им теплые жилетки-телогрейки, расписала шелковыми узорами. Просто загляденье вышло. Точно такая же была и у нашего сынишки, который только-только стал ходить. Я же приготовил им нефритовые браслеты-обереги. Во дворе фанзы стоял оживленный гул, гостей поили чаем, в огромном котле повар Яма-Кочка варил ароматную баранину, женщины жарили хворост, и все ждали прихода местного ахуна. В это самое время раздался громкий топот копыт, и, ловко спрыгнув с коня, ко мне подбежал гонец.

– Брат Эбду, давай быстрее в лагерь. Там свара между третьим и пятым батальонами. Вот-вот за ножи возьмутся, – торопливо сообщил он неприятную новость.

– Придется распрощаться с пятым батальоном, – заметил стоявший рядом ахун Ма Лихэр.

– Почему? – спросил я его.

– Дисциплине не поддается. А одна паршивая овца всё стадо портит. Ты знаешь.

– Есть такое, – согласился я с ним. – Отец, вы уж тут пока без нас. Мы стараемся побыстрее вернуться, – обернулся я к встревоженному отцу.

– Поосторожнее будь и, главное, не горячись. Выслушай всех. Помни, у каждого своя правда, – напутствовал он, зная слабости моего характера.

Яолинь в тот момент кормила малыша, и я даже не стал подходить к ней. Вскочив на коней, мы помчались в наш боевой лагерь, расположенный в восьми кэ быстрой езды. Стычки между батальонами обычно провоцировали их командиры. Как правило, это были деревенские ахуны, имевшие авторитет в своих небольших общинах и пытающиеся теперь расширить свое влияние. Они ревниво следили за растущей популярностью ахуна Ма Лихэра, имя которого теперь с придыханием возносили по всей провинции. Хотя ахуны и были искренними правоверными, но человек есть человек, и удержаться от кое-каких земных соблазнов им всё равно не удавалось: власть над тысячами, внемлющими твоим словам; почет и слава, когда даже надменные богачи заискивающе зазывают на свои пиршества; состоятельность, когда твоей семье не надо отыскивать последние зернышки проса, чтобы сварить утреннюю похлебку. А мы чем хуже этого выскочки? Зависть крепко засела в их головах.

Командир пятого батальона, ахун Ма Чжан И, отличался особым красноречием, и его вдохновенные проповеди притягивали к себе множество бойцов из других частей, которых тут же переманивали в его батальон. Когда мы примчались в лагерь, там в окружении взбудораженной толпы шла ожесточенная ругань между ахуном Ма Чжан И и командиром третьего батальона Черным Ясиром.

– Ты только языком воевать силен. Чему ты их научишь?! Погубишь моих людей, да и только, – орал Черный Ясир прямо в лицо Ма Чжан И. Сам Черный Ясир был профессиональным военным и еще пару лет назад командовал уездным маньчжурским войском в соседней провинции, а потому хорошо знал, о чем говорит.

– От хорошего командира солдаты не уходят, – парировал Ма Чжан И.

– Ах ты мерзавец! Да я тебя сейчас этими руками удушю! – взревел Черный Ясир и двинулся вперед.

– Стойте! Вы что, с ума посходили?! – слетев с коня, я встал между ними. – Между собой только осталось передаться.

– Братья! – обратился подоспевший ахун Ма Лихэр. – А ну-ка, давайте притихнем и сядем! Садитесь, все садитесь! – он обернулся к столпившимся вокруг бойцам и руками призвал опуститься на землю. – Так, – продолжил он, – теперь помолчим. А я напомним вам: когда люди ссорятся, шайтаны радуются. – После этого он громко прочитал суру, прогоняющую прочь шайтанов. Народ в самом деле притих и успокоился. Я с уважением смотрел на маленького шуплого ахуна: как здорово он умеет управлять толпой. – Братья, – снова обратился он к бойцам, – нам сейчас как никогда нужны две вещи: единство и дисциплина. В них кроется сила нашей армии. А у командира пятого батальона, я вижу, свой взгляд на борьбу с врагом. Давайте дадим ему шанс проявить себя. Командир Ма Чжан И, – ахун резко повернулся к нему, – с сегодняшнего дня твой батальон выходит из состава нашей армии Черного знамени. Это мой приказ.

– Молодец, брат Лихэр! – радостно воскликнул Черный Ясир под одобрительные крики своих соратников.

– Правильно, пусть сам воюет, раз такой умный, – добавил кто-то рядом.

Командир Ма Чжан И, видимо, не ожидавший такого решения, громко фыркнул в ответ и, резко развернувшись, двинулся в расположение своего батальона. Его бойцы дружно отправились вслед за ним.

– Жаль, конечно, но другого выхода нет, – развел руками ахун Ма Лихэр.

Мы двинулись назад. На полпути я заметил во весь опор мчащегося навстречу к нам всадника. Он так нещадно гнал коня, что сердце мое сразу же ёкнуло от дурного предчувствия. Рука невольно стегнула плетью коня, и он рванул вперед. Вскоре я уже мог разглядеть искаженное от страха и ужаса лицо молодого мальчишки из деревни. Сблизившись, мы осадили коней.

– Беда! Беда! – орал он.

– Что случилось?! Говори!

– Восьмерки на нас напали!

– Что?! Когда?!

– Перед обеденным намазом. Я сразу к вам помчался.

Холодный пот оросил мою спину. В глазах всё потемнело. Я обмяк и зашатался в седле.

– Эбду!.. Что случилось?! Что с тобой?! – под ухом раздались громкие, испуганные крики подоспевших Мусы и ахуна. Они вывели меня из оцепенения.

– Маньчжуры на Светлый Ручей напали! Скачите назад! Отправьте сюда третий батальон! Остальные пусть перекроют все дороги и горные тропы! – приказал я, потрясенный страшной вестью.

– Брат Ма, скачи за подмогой! Я с ним останусь, – бросил Муса ахуну.

Мы помчались с ним в деревню. «Быстрее! Быстрее!» – стучало в висках. Никогда я себя не чувствовал таким жалким, беспомощным, бесполезным: там убивают моих родителей, жену, сынишку, а я ничего не могу поделать. Какое же это жуткое и страшное состояние...

Эбду замолчал. Он отпустил поводья, и лошадь под ним медленно брела, время от времени длинным хвостом отгоняя назойливых мух.

– То, что я увидел, не забыть никогда, – глухим и бесстрастным голосом продолжил он. – В одно мгновение жизнь словно улетучилась из меня. Внутри всё разом опустело. С тех пор здесь, – Зеленый Вихрь показал рукой на свою широкую грудь, – ничего. Пустота. Очень холодная...

Лотар знал, что какие бы слова сочувствия он сейчас ни произнес, звучать они будут фальшиво. Иногда только молчание выражает настоящее сопереживание. Спустя какое-то время сквозь мерный стук копыт вновь донесся голос Зеленого Вихря.

– Скажи, офицер Лода, когда у человека отнимают всё, что только есть на этом свете, что у него остается?

– Наверное, вера в Бога.

– Почему?

– Бог – это небесная справедливость.

– Красиво...

– А ты что скажешь?

– Надежда.

...Весеннее солнце начинало припекать, бойцы распахивали теплые куртки, чаще прикладывались к тыквянкам с водой. Лотар замечал вдоль дороги множество питьевых колодцев с длинными бамбуковыми жердями и деревянными ведрами. К ним время от времени подгоняли своих лошадей бойцы, но затем резко отшатывались и громко предупреждали остальных: «Здесь то же самое. Езжайте дальше!»

– Они что, высохли? – поинтересовался Лотар.

– Нет. Просто завалены трупам, – буднично отозвался Зеленый Вихрь.

Чьи там трупы – ханьские, дунганские, монгольские – Лотар уточнять не стал.

– Вы настигли убийц? – спросил он. Ему захотелось узнать больше.

– Да. Мы выяснили, что они пробирались к нам по ночам мелкими группами. Значит, точно так же станут и отходить. Поэтому повсюду устроили заставы. И вскоре они стали попадаться, как крысы в ловушки. К тому времени я был твердо уверен, что среди нас имеется предатель, и потому ко всем схваченным у меня имелся один-единственный вопрос: кто он? Однако никто о нем ничего не знал. Многим пленникам головы отрубал я лично. Да, офицер Лода, не удивляйся. Я не палач. Но мне тогда казалось, что только так я смогу заглушить кипящее чувство мести.

– Получилось?

Ответа не последовало. Лотар незаметно взглянул на Зеленого Вихря. Солнечный свет падал на его суровое лицо, обезображенное десятками шрамов самых разных размеров. Однако Лотара поразило совсем другое – они совсем не уродовали его, напротив, придавали ему благородное мужество. Еще через мгновение он понял, почему. Сквозь них виднелось лицо совсем еще молодого, красивого человека. «Ему же и тридцати нет», – вспомнил он.

– На третий день нам попала группа из двенадцати человек, – продолжил свой рассказ Зеленый Вихрь. – Шестерых мы уложили, а остальных связали и привезли в лагерь. Среди них явно выделялся один: статью, выправкой и тонкой ухоженностью, недоступной простолюдинам. Его боевая одежда не имела знаков отличий, однако только у него имелся необычный многозарядный заморский мушкет, из которого он уложил двух наших бойцов. Позже мы узнали, что он называется револьвером Кольта.

– Кто ты? – спросил я его. Он с презрением взглянул на меня и ничего не ответил. Конечно, это было явно ниже его достоинства – отвечать на вопросы какого-то дунганского повстанца.

– Ты можешь молчать и не отвечать. Но тогда не сможешь выбрать себе достойную смерть. – Здесь я пустился на хитрость. Ведь благородный человек должен умереть подобающе. – Мы можем изрезать тебя на мелкие части и скормить степным шакалам, а можем дать возможность самому выбрать свою смерть, – продолжил я, и это сработало.

– Да ты не так прост, – ухмыльнулся он в ответ. – Сначала скажи свое имя.
– Мое имя Эбду из рода Ха. А еще меня зовут Зеленым Вихрем.
– Что? Так это ты?! – он резко встрепенулся, в его взгляде высокомерие смешалось с недоумением. – Все наши жертвы из-за тебя, жалкого безродного щенка?!

Приступ ярости охватил меня. Рука дернулась к мечу. Мгновенье, и его голова отлетит в пыль... Но вскипевшую кровь ледяными стрелами пронзили слова отца. Он всегда повторял: «Не гневайся! Не впадай в ярость!»

– Почтенному господину не пристало скрывать свое имя. Или я ошибаюсь? – как можно спокойнее я вновь обратился к нему.

– Я командир особого батальона, полковник Юй Чунлинь. И что мне подobaет совершить, чтобы не умереть подобно бродячему псу?

– Сказать, кто сдал нас.

– Это всё?

– Да.

– Тогда слушай мое условие. После того как я назову имя предателя, мы сразимся с тобой, и я наконец-то прикончу тебя.

– Понятно. Хочешь достойно умереть в бою.

– Нет. Я просто не выполнил боевой приказ. Генерал Мао Хунлинь послал меня за твоей головой. Но тебя не оказалось на месте. Теперь у меня есть шанс исправиться.

Предложение полковника прозвучало неожиданно и достойно. Десятки глаз вперились в меня в ожидании ответа.

– Не стоит драться с ним. Я выбью из него имя предателя, – шепнул мне в ухо Муса.

Стоящий рядом с ним ахун Ма Лихэр поддержал Мусу.

– Не надо, – чуть покачивая головой, тихо произнес он.

«Возможно, он величайший и непобедимый воин во всей Поднебесной, кто знает? Но справедливость на моей стороне, и вездесде достигнет его», – твердо решил я про себя.

– Что ж. Согласен. Они все – свидетели моего слова, – громко произнес я и обвел рукой обступивший нас народ.

– Тогда знай имя своего предателя, – полковник взглянул мне прямо в лицо. – Это Ма Хэпинь, писарь из уезда Чаньянь.

– Врешь! – крикнул ахун Ма Лихэр. – Оговорить честного человека хочешь, мерзавец!

– Я командир особого батальона, и мне полагается проверять все сведения. Я лично встречался с писарем, чтобы узнать больше подробностей. Так вот, он рассказал о каком-то обряде для двух мальчиков, племянников Зеленого Вихря. Проводить его будут в фанзе напротив деревенского колодца. Соберутся ближайшие родственники и друзья из деревни Небесные Тополя. Верно? После обряда подадут угощение. В самой деревне нет никакой охраны. Но по дороге к ней имеется несколько постов. Он своей рукой нарисовал мне, где и как их обойти. Кстати, вот этот план, – полковник влез рукой в потайной карман куртки и извлек наружу аккуратно сложенный листок бумаги. – Мне больше он не нужен, – с ухмылкой на губах полковник протянул его мне.

Я молча забрал листок и сунул его за пояс. Сказанные им слова не стоило подвергать даже самому мало-мальскому сомнению. Мне было совершенно ясно, что он говорит правду.

– Принесите ему его меч, – попросил я.

Вскоре перед ним свалили охапку захваченного оружия.

– Ищи! – гаркнул ему Муса.

Полковник нагнулся, откинул несколько мечей в сторону и выпрямился, держа свой меч в ножнах из толстой буйволиной кожи. Пальцами правой руки

он нежно провел по ножнам, затем крепко обхватил темную рукоять меча и резко вытянул широкое, блестящее, безукоризненно заточенное лезвие с чернёными иероглифами. Народ ахнул, шарахнулся на несколько шагов назад, образовав кольцо и оставив нас внутри него. Я немедленно обнажил свой, не менее древний и достойный меч. Он передавался в нашем доме из поколения в поколение и теперь служил мне верой и правдой. При его виде в глазах полковника промелькнуло легкое удивление. Наверное, он считал, что у нас в ножнах тупые деревенские тесаки. Что ж, неплохо, счет пошел в мою пользу. Полковник Юй не стал спешить с началом боя. Он, видимо, решил размять тело и заодно припугнуть меня, и потому совершил несколько весьма красивых сложных фехтовальных приемов, превращая меч то в сверкающее колесо, то в короткие, быстрые молнии, с шипением рассекающие теплые солнечные лучи. От удивления и восхищения у многих людей широко раскрылись глаза и отвисли челюсти. Закончив, полковник принял боевую стойку. Я решил ничем не отвечать ему. «Самый опасный соперник – недооцененный». Эта истина мне была хорошо известна, и потому пусть считает, что мне под силу хорошо владеть только тяжелой крестьянской мотыгой. Не вставая в боевую позу, я пару раз махнул мечом в воздухе, затем совершил короткий выпад. Он даже не шелохнулся, внимательно наблюдая за моими неуклюжими движениями. Тогда я сделал вид, что пытаюсь подкрасться к нему то с одного, то с другого бока, тупо тыкая в него острием меча. Он легко, играючи отразил атаки, пытаюсь при этом выбить оружие из моей руки. В нем чувствовалась недюжинная сила и ловкость. Мои действия вызвали у него презрительную усмешку на губах. Я медленно попятился назад. Этого было достаточно, чтобы он оценил способности своего врага и пустился в контратаку. «Ну что ж, олух деревенский, получи свое!» – прошипел полковник и, мелко перебирая ногами, двинулся вперед, крест-накрест рассекая лезвием воздух. От его блистанья у людей зарябило в глазах, и раздалась испуганные возгласы. Я ждал этого смертоносного приема, спастись от которого можно только выверенными встречными контрударами. Такой технике отец обучал меня многие годы. Бой начался. Мечи зазвенели, посыпались искры, разлетаясь во все стороны, как в кузнице Кувалды. Из подобной сшибки обычно живым выходит один. Но наша закончилась ничьей. Мы встали на свои места. Полковник при этом выглядел чрезвычайно растерянным. Вся его спесь куда-то улетучилась, до него, видимо, стало доходить, что одолеть деревенского дурачка получится непросто. Помимо этого, он тяжело дышал – возраст давал о себе знать. И если зачастую старшим помогает их опыт, то после полутора лет чуть ли не ежедневных схваток не на жизнь, а на смерть у меня его накопилось не меньше. Теперь не давать ему передышки. Вперед! Скрежет лезвий, ляг ударов, глухие, напряженные стоны и громкие выкрики вновь наполнили воздух. Из этой сшибки мы вновь вышли живыми. Лица и руки наши слипались от своей и чужой крови. Но если у меня кровь сочилась со лба и левого плеча, то у полковника она обильно струилась с правого бедра. Он не мог больше опираться на эту ногу. Тогда я стал кружить вокруг него, совершая быстрые выпады и наскоки. Полковник с трудом успевал отбиваться, волоча при этом за собой раненую ногу. От потери крови его лицо белело на глазах. А я продолжал свой танец смерти, приближаясь к нему всё ближе и ближе. Мне уже не составляло никакого труда пронзить его отяжелевшее тело или снести с плеч едва вращавшуюся голову, но мне очень хотелось взглянуть ему в глаза, прежде чем он умрет. Вскоре слабеющая рука врага не смогла даже приподнять свое грозное оружие, и еще через мгновение, совсем потухший, сникший полковник Юй застыл на месте, из последних сил опираясь на меч, чтобы не рухнуть на землю.

– Подыми голову! – громко крикнул я ему. Полковник тяжело, с натугой выпрямился. Мы смотрели друг на друга. Его глаза были полны слёз. Но не

боль вызвала их. Они текли от горькой обиды за поражение. – Взгляни вокруг себя! – вновь выкрикнул я. Он с трудом обвел взглядом притихший народ. – Вам никогда не победить этих людей! А такой твари, как ты, место в аду! – Его голова глухо шлепнулась в пыль...

* * *

1863 год. Город Сиань

Начальник караула сторожевой башни Северных городских ворот Сианя напряженно вглядывался в предрассветную сизую мглу. Ему то ли послышалось, то ли померещилось позвякивание удил, фырганье лошадей и шепоток человеческих голосов.

– Ты тоже что-то слышал? – встревоженно спросил он подошедшего к нему часового.

– Был какой-то шум. Но вроде всё стихло.

«Значит, не мне одному показалось», – подумал он и тут же отдал приказ:

– Беги, подымай караульную роту!

Через короткое время сотня солдат заняла боевые позиции на неприступной крепостной стене и замерла в томительном ожидании. Впрочем, ждать пришлось недолго. Вместе с первыми лучами солнца их взору предстала жуткая картина: прямо напротив массивных красных ворот в землю были воткнуты три высоких бамбуковых песта с насаженными на них человеческими головами.

– Да это же голова полковника Юй Чунлиня... – с ужасом в глазах прошептал начальник караула Северной башни. Затем с пробившимся любопытством добавил. – А чьи же те две другие?..

* * *

1871 год. Шелковый путь

После короткого обеденного привала отряд Зеленого Вихря снова двинулся в путь. Коней пустили рысью, и потому разговаривать было не совсем удобно. Лотар с трудом справлялся с желанием услышать продолжение рассказа Зеленого Вихря. Часа через два, едва отряд перешел на шаг, он тут же повернулся в сторону Зеленого Вихря.

– Вы нашли писаря?

– Кого?.. А-а... Конечно. У него, кстати, оказалась большая семья. И родители были живы, и внуков полный двор. Они собирались бежать на остров Формоза.

– Вы вырезали их всех? – с легким ужасом в глазах Лотар взглянул на Зеленого Вихря.

– Каждый сам отвечает за свои свершения. Мы казнили только писаря и его злую жену. Их головы вместе с полковничьей водрузили на высоких пестах прямо у Северных ворот Сианя, – прозвучало в ответ.

– В живых, значит, остался один генерал Мао.

– Да.

– Но до него не так просто добраться. Сотни лучших солдат день и ночь охраняют его, – проговорил Лотар.

– Отправить даотая Чжана Сяолуня в ад тоже казалось невозможным. Но Всевышний привёл меня в его спальню, – Зеленый Вихрь обернулся и посмотрел на Лотара. – Кстати, ты веришь в ад?

– Верю, – кивнул головой тот.

– Так вот, я знаю, что точно попаду туда, если не прикончу генерала.

– А я с удовольствием помогу тебе.

– Попасть в ад? – подмигнул Зеленый Вихрь и впервые улыбнулся.

– Нет. Покончить с генералом, – ответил Лотар, и они оба от души рассмеялись.

В это время на невысоком холме показалась группа людей. Они были облачены в темные, мохнатые ячьи шкуры, удерживаемые на плечах сыромятными ремнями. Из-под шкур выглядывали обнаженные тела. На поясах виднелись костяные рукоятки ножей, заправленных в ножны с закругленными концами. Головы украшали высокие меховые шапки, а ноги окутывала высокая обувь опять-таки из ячьих шкур. Лотар, завидев их, сразу вспомнил картинку с изображениями древних пещерных людей. Они стояли молча, внимательными взглядами провожая проезжающих внизу дунганских бойцов.

– Кто эти люди? – спросил Лотар Зеленого Вихря.

– Тангуты. Сейчас это тихий, мирный народ, – взглянув в их сторону, бросил Зеленый Вихрь. – А когда-то имели могучую страну, царство Си Ся. Очень грозные и воинственные были.

– Их разгромили ханьцы?

– Нет. Против них они выстояли. Чингисхан, вот кто победил их.

– Чингисхан? О, это имя известно даже в Европе.

– Не было силы, равной монгольской. Это они пригнали наших предков из далекого Хорезмского царства, взяли Пекин, завоевали всю страну, создали новую династию Юань. Людям мнилось, что монголы велики и вечны, а они превратились в бедных степных аратов. Оказалось, и величие может померкнуть. Столь же быстро, как закат солнца.

– Поверь, у нас ничуть не лучше: война – мир, мир – война, одни народы возвышаются, другие низвергаются, и затем снова всё сначала.

– Хорошо это или плохо, никому – ни простым крестьянам, ни небесным царям – не дано видеть свое будущее. Все мы во власти Аллаха, мудрого и милосердного, – проговорил Зеленый Вихрь, глянув в синь бескрайнего неба.

– Согласен. Хочешь узнать, что будет завтра, дождись послезавтра, – добавил Лотар и кинул прощальный взор на застывшую в лучах заходящего солнца горстку тангутов, потомков великого народа.

* * *

Восьмизнаменная армия генерала Мао Хунлиня, растянувшаяся на добрый десяток ли, уже третий день двигалась по пыльной, усыпанной камнями дороге в направлении Хесийского коридора. В этот день генерал неожиданно для всех несколько раз останавливал свою повозку, выходил из нее и молча вышагивал в окружении доброй сотни охранников, не обращая внимания ни на холодные утренние порывы ветра, ни на припекающее послеобеденное солнце.

– Что бы это значило? – каждый раз приговаривал доктор Хуа, следуя за генералом.

– Сильно, видать, нервничает. Еще бы. Ни от Тун Бао, ни от даотая Чжана Сяолуня, ни от разведки, ни от монголов ни слуху ни духу. Словно демоны их всех на небо утащили. Никто не знает, что там у Ланьчжоу происходит. А вдруг дунгане уже прорвались через Хеси? – поделился с доктором своими мыслями адъютант Ван.

– И что тогда?

– Если Зеленый Вихрь уйдет в Кашгарию, подымет тамошних дунган, объединится с Якуб-беком, война затянется еще на черт знает сколько лет.

– М-мм, да...

– Ох, как эта война мне надоела, – адъютант закатил глаза и горестно вздохнул.

– Мне тоже. Домой хочется, – поддержал его доктор.

В это время мимо них молча прошел генерал Мао, взобрался в свою повозку и плотно задернул занавески на узких оконцах. Его на самом деле беспокоило другое. Глубокой ночью он внезапно проснулся, что бывало с ним крайне редко, поводит головой по сторонам, ощупал зачем-то свою шею и только затем с трудом припомнил, что во сне ему приснилось нечто ужасное: у стражника, отбивающего пятую ночную стражу, вместо фонаря на длинном шесте мерно раскачивалась гладкая, словно высохшая тыквянка, голова Чжана Сяолуня. «Неужели дунгане взяли город и казнили его?» Генерал относился к вещим снам с подозрением, больше полагался на разведку и потому, заперевшись в повозке, с нетерпением ждал от нее сообщений. «А ведь он последний из моего круга, – неожиданно пришло ему в голову. – Выходит, их было не шестеро, а семеро, моих верных, преданных друзей-соратников. С чего я всегда говорил только о шестерке друзей? Видать, потому что Чжан Сяолунь был намного младше нас всех. Да, верно. Мы его воспринимали сначала как малыша-недотёпу, затем как неисправимого пройдоху-мошенника. А он вон каким опытным правителем-управленцем стал. И, главное, надежным, преданным». У генерала даже слегка увлажнились глаза при воспоминании о Чжане Сяолуне: «Эх, как быстро летит время...»

Ему вспомнился одна тысяча восемьсот шестьдесят пятый год. В начале того года императорским указом генерала Мао Хунлиня назначили наместником провинций Шэньси и Ганьсу. Его власть в одночасье стала безграничной. Военная помощь после окончательного разгрома тайпинов потекла к нему широкой рекой. Губернаторы и прочее чиновничество, утратившее к генералу пиетет, теперь, словно певички из «розового дома», роем закружили вокруг, всячески пытаясь обратить на себя его внимание.

– Наконец-то в Пекине поняли и опасность восстания, и что только я могу расправиться с мятежниками, – проговорил генерал подобострастно застывшему подле него Чжану Сяолуню. – Долго же мы ждали этого дня. – На его лице отражалось в тот момент столько радости, удовлетворения, гордости и величия, что с него можно было смело срисовывать портрет абсолютного триумфатора.

– Дядя, если бы вы знали, как я горд служить вам, – слова племянника прозвучали довольно честно.

– Ты очень сильно мне помогаешь. Я ценю это. Запомни, нас ждут великие деяния!

– Вне всякого сомнения.

– Ну, а теперь поговорим о наших делах. Рассказывай.

– Всё оказалось намного сложнее, чем я предполагал. Суть в том, что у дунган все их земли оформлены по закону. Не к чему придраться. Да и чиновники не очень охотно идут мне навстречу, боятся без веских причин уничтожать записи в земельных кадастрах. Так что, если впоследствии дунгане предъявят права на свою землю, будет много проблем.

– Ха-ха-ха, – самодовольно рассмеялся генерал. – С сегодняшнего дня всё будет по-другому. Я издам декрет, на который не решался трусливый губернатор провинции.

– Что за декрет?

– Я объявлю всех дунган провинции Шэньси государственными преступниками, мятежниками, замешанными в антиправительственном бунте. Это даст нам основание провести полную конфискацию их имущества, включая землю. Вряд ли какой-нибудь чиновник попробует теперь хоть слово против сказать.

– Власть позволяет совершать чудеса, – вымолвил потрясенный Чжан Сяолунь.

– Да уж, – усмехнулся в усы генерал. – Теперь твое дело – проследить, чтобы в ямынях внесли имена поголовно всех дунган в списки мятежников. Пусть потом доказывают свою правоту.

– Гениально...

– Операция «Желтая буря» только начинается. На очереди провинция Ганьсу. Дунгане, если кто-то из них и останется в живых, впредь будут жить только в пустынях за пределами Длинной стены, – генерал Мао вытянул руку в направлении севера.

– Да-да, их место там, – с готовностью поддакнул Чжан Сяолунь, не сводя глаз с простертой на север руки своего дяди...

Глава шестнадцатая

1871 год. Шелковый путь

Дорогу окутала тихая ночь. Сиял полумесяц, звезды зависли прямо над головами всадников. Холодный ночной воздух заставил всех поплотнее закутаться в толстые куртки. Ехали молча. Каждый погрузился в свои мысли, и Лотару не хотелось нарушать благостную тишину своим очередным вопросом. Около полуночи Зеленый Вихрь отдал команду на ночлег. Отряд сошел с дороги и расположился в ложине за невысокими пригорками. Костров не разводили. После легкого ужина и ночной молитвы бойцы расстелили на земле войлочные подстилки и улеглись спать.

– Что-то сон не идет. Пойду смену караул, – тихонько проговорил Зеленый Вихрь, закидывая за плечо винтовку.

– Можно я с тобой? Тоже уснуть не могу, – попросился Лотар.

– Пошли.

На пригорке, с которого хорошо просматривалась освещенная бледным лунным светом дорога, они сменили двух часовых и присели на холодную, покрытую жесткой высохшей травой землю.

– Командир Эбду, а куда вы двинетесь дальше, когда пройдете Хеси?

Зеленый Вихрь долго молчал. Затем произнес:

– Я расскажу тебе кое-что.

Рассказ Зеленого Вихря

– Поверь мне, офицер Лода, самое лучшее место на всей земле – это деревня Небесные Тополя: волшебные своды из серебристых крон и голубого неба, желтая лента молчаливой реки, ветви печальных ив и шепот густого камыша, веселые крики неугомонных детишек, мычанье и блеяние скота, конское ржанье, ослиный рев, ночной брех собак, крик ранних петухов, запах жженного кизяка, печальный и монотонный, как сама вечность, голос деревенского муэдзина. Жизнь в ней текла просто и обыденно. Каждый новый день мог быть лучше или хуже предыдущего, но все твердо знали: он не последний. Пятьсот лет мы считали это место своей колыбелью, родиной.

И поверь мне, нет на свете ничего ужаснее, чем быть в одночасье изгнанным со своей родной земли... Если ты теряешь деньги, то знаешь, что еще больше заработаешь. Если стораает дом, ты уверен, что отстроишь новый, еще красивее и просторнее. А вот что делать, когда у тебя вдруг отнимают место, где ты родился, где мать выкормила тебя своим молоком, где могилы твоих предков, где ты хоронишь своих родителей, и где эта земля в конце концов должна принять тебя самого? А когда теряют родину жители не одной деревни, а целый народ? С чем сравнить такое бедствие?..

Однажды, после очередной схватки с отрядами генерала Мао, мы вернулись в свой лагерь, скрытый в одном из горных ущелий на юге Ганьсу. Стояла

глубокая, темная ночь, небо затянуло облаками, иногда нас освещали дальние всполохи молний, и затем доносились глухие раскаты грома. Было не очень уютно. У постреливающего искрами костра сидели отец, кузнец Кувалда, повар Яма-Кочка, ахун Ма Лихэр, Муса и я. Это было незадолго до их гибели.

– Неужели нам больше никогда не вернуться в свои дома? – грустно произнес отец. – Каждую ночь деревня снится, – в голосе прозвучала еще большая печаль.

– Мне тоже... Ветерок, бывало, пробежит по верхушкам тополей, и кажется, что они шепчутся меж собой, – подбросил в тишину Кувалда.

– А я до сих по утрам просыпаюсь от крика своего петуха. Помните, он всегда первым начинал петть, – добавил свое повар Яма-Кочка.

– Так его «восьмерки», небось, сожрали, – не мог не вставить Муса.

– Чтоб они подавились, – буркнул повар. И тут же обратился к ахуну: – Брат Лихэр, а что делать будем, если не победим маньчжуров?

– Как не победим? Да мы скоро не только Сиань возьмем, до Пекина дойдем. Купишь себе нового петуха. Не переживай, – бодро заверил его ахун.

– Э-эх, донести бы твои слова до Всевышнего... Ну, а если все-таки... Разное ведь случается. Куда нам тогда деваться? – не отставал от ахуна Яма-Кочка.

– Да, действительно. Не можем же мы вот так взять и всё бросить, уйти навсегда со своих земель. Это ведь наша родина, – прозвучал голос отца.

– Родина... – медленно, с задумчивостью в голосе произнес ахун. Затем, видать, собрался с мыслями: – Послушайте, братья. Наш пророк Мухаммед, да благословит его Аллах и приветствует, был изгнан из своей родной Мекки, ему пришлось всё бросить и переселиться во враждебную Медину. А позже он приезжал в Мекку как на чужбину. Запомните, родина – всего лишь слово. Ничего более.

– Как же так? – удивился повар. – А я думал, родина это... это...

– Ну, что это?.. Вот видишь. Ты сам не знаешь, что это такое, – голос ахуна окреп, в нем прозвучало легкое торжество. – Возьмем, к примеру, наших предков, – продолжил он. – Монголы вынудили их покинуть свои родные, наверняка, очень красивые края. А кто из нас вспоминает сейчас эти далекие земли?.. Наш пророк Мухаммед, да благословит его Аллах и приветствует, после покорения Мекки мог спокойно вернуться на свою родину. Но он не сделал этого. Он мог завещать похоронить себя в Мекке, на своей родине. Но он не сделал этого. Потому что он полюбил Медину. Поэтому помните, главное для нас не кусок земли, а джамаат, умма. Вот без чего нам не жить ни в этом мире, ни в царстве великого Аллаха. – Ахун Ма Лихэр закончил. А я запомнил его слова, хотя тогда не придавал им особого значения.

В то время было не до речей. Бои с «восьмерками» шли непрерывно. Вскоре я потерял всех родных и остался один. Один на белом свете. Нет, соврал. Со мной остались Ясминэ и верный друг Муса. У Мусы в то время шли последние приготовления к долгожданной женитьбе. И вот он подходит ко мне и говорит:

– Брат, свадьбы не будет.

Я страшно перепугался, в голове сразу же мелькнуло: «О, Аллах, неужели случилось что-то страшное и непоправимое?»

– Что такое? Почему?

– Нет, ничего не случилось. Просто я так решил.

На сердце чуть отлегло.

– Э-э, брат, так просто не бывает. Невеста разонравилась? Подарки не приготовил? Давай, говори!

– Да нет. С этим всё в порядке. Я вот что подумал... Ну, если женюсь, то мне надо будет в первую очередь о своей семье заботиться, верно?

– Верно. Для этого и женишься.

– Вот то-то и оно. Семья много времени потребует, верно?

– Давай ближе к теме.

– Понимаешь, тогда для тебя времени не останется.

– Не понял. Я-то при чём?

– Получается, я тебя бросаю. Одного. А друзья так не поступают. Поэтому сначала война, потом женитьба.

«Ах, вот в чем дело...» Я опешил. Что делать? Смеяться от нелепости ситуации или упасть перед ним на колени как перед святым? По его лицу стало понятно, что решение свое он выстрадал, и никакие уговоры здесь не помогут.

– Значит, так – женимся оба в один день, когда войну закончим, договорились?

– По рукам, – мотнул он своей крупной головой на кривой шее, и мы крепко-накрепко обнялись.

Да, еще рядом со мной был ахун Ма Лихэр. Он, конечно же, не заменил мне отца, но за советами теперь я обращался к нему. Тем временем жизнь, то есть война, продолжалась, и предаваться страданиям было просто некогда. Нам в тот момент казалось: еще немного, еще чуть-чуть – и враг побежит назад, власть начнет с нами переговоры, и всё вернется на круги своя – ну не может же Сын Неба позволить своим подданным бесконечно убивать друг друга. Однако ничего не происходило, а один случай и вовсе перечеркнул все надежды...

Мы получили сообщение о нападении отрядов ханьских добровольцев на одну из наших деревень. В ней проживали лишь женщины и дети. И враг хорошо знал об этом. Для нас ханьские добровольцы были во много раз опаснее императорских войск. Они отлично знали здешние места и предпочитали нападать на мирных. Вчерашние соседи сегодня налетали на беззащитные деревни подобно стаям голодных волков, убивали всех, кто попадетс под руку, грабили и сжигали дотла дома. Они отличались невероятной жестокостью.

Приближаясь к деревне, мы еще издали с удивлением заметили, что она цела и невредима. Над крышами не клубился черный густой дым, из окон не вырывались наружу языки красного пламени. Это нас насторожило. Засада? Возможно. Со всей осторожностью, держа оружие наизготовку, отряд медленно двигался по пустым, безлюдным улицам. Все дома были вывернуты и опустошены жалкими мародерами. Ненужные им вещи валялись во дворах и вдоль улиц. Но куда делись женщины и дети? Внимательно осматриваясь по сторонам, мы шли в сторону рынка. Нас окружала зловещая тишина. Неожиданно впереди показалась фигура одинокой женщины в черной одежде с белым платком на голове. Она шла нам навстречу. Но двигалась как-то странно, словно опьяненная дурманом. Ноги ее заплетались, она то и дело спотыкалась, цеплялась за деревянные жерди изгородей. Подойдя к ней ближе, мы увидели белое, как лист рисовой бумаги, лицо обезумевшего от горя человека. Она не замечала нас. Затуманенный от высохших слез взгляд был устремлен в пустоту. Расспрашивать ее о чем-либо не имело смысла. Еще через несколько шагов мы заметили молодую женщину, сидящую прямо на дороге. Она мерно раскачивалась и негромко нашептывала слова колыбельной песенки. Ее безумные глаза смотрели на нас в упор, но тоже ничего не видели, словно мимо нее двигались не вооруженные всадники, а безмолвные, невидимые призраки.

– Что за чертовщина? – с ужасом на лице прошептал молодой боец рядом со мной. Сзади кто-то уже произносил дуа, защищающее от шайтанов. Мне самому тоже было не по себе. Что же здесь произошло?.. Так как враг не встречался, то мы прибавили хода и вскоре оказались в центре деревни... От ужаса, представшего перед нами, похолодели руки, вмиг пересохло горло, хотелось крепко зажмурить глаза и больше никогда не открывать их. «О, Всевышний,

ты захотел, чтобы люди увидели Ад. Подтверждаю, мы увидели его», – по-другому я не смогу описать то, что предстало пред нами...

– Их было много. Плетками и копьями они согнали женщин и детей на площадь, – рассказал нам чудом уцелевший деревенский старик. – Командовал ими человек с красной бородой. По его приказу с мельницы прикатили каменные жернова. Затем они стали отдирать от матерей прижавшихся к ним от страха детишек. Отдирали и со смехом бросали под тяжеленные раскатывающиеся круги. Я до сих пор слышу, как хрустят кости и головы. Кто вцепился в своих матерей, тем мечами отрубали руки. – Старик заплакал. Затем сквозь слезы продолжил: – Убивать несчастных матерей они не стали. Решили, видать, пусть мучаются до конца жизни. А вот беременных... Они им всем вспороли животы.

Мы похоронили убитых, оставшихся в живых забрали с собой в безопасные горные селения, а деревню сожгли – дом за домом... Э-эх, если бы так легко сгорала человеческая память.

С таким страшным злодеянием мы встретились впервые. Люди просто кипели от ярости и гнева. Все хотели только одного – отмщения. Уже в ту самую ночь наш отряд «неприметных» сумел добыть краснобородого командира с тремя дружками. Утром для верности мы показали их старику из деревни. Он сразу же опознал всех, и потому извергов ждала страшная смерть. Знаешь, Лотар, кто говорит о звериной жестокости, тот совсем не знает жестокости человеческой. С краснобородого сняли заживо кожу, других раздавили жерновами – медленно, начиная с пальцев рук... Но казнь не успокоила, а только распалила людскую злобу.

После казни на военном совете из уст ахуна Ма Лихэра прозвучало:

– На подобное отвечать подобным, написано в Священной Книге. Мы вырежем всех, никого не оставим в живых, уничтожим все ханские города и деревни. Вон сколько их, – своим указательным пальцем он обвел на карте огромное множество ханских поселений, разбросанных по всей провинции. – Только так мы искупим вину за пролитую кровь, мучения и смерть наших матерей, жен, сестёр, дочерей, сыновей, неродившихся детей. Это есть справедливость. Кто за?

Руки вверх подняли все. Я тоже. Но затем решил её опустить.

– Ты чего? – Муса ткнул меня в бок. Однако, взглянув мне в лицо, он тоже опустил свою руку. Ахун Ма Лихэр совсем не ожидал такого поворота. Его недоуменный взгляд застыл на мне. Следом на нас с Мусой обратились взоры всех собравшихся.

– Братья, даю вам слово – убивать врага я буду до тех пор, пока эта рука держит меч. Это священная месть. Но меч этот не прольет ни капли крови мирных, безвинных людей – это моя справедливость.

– Тебе что, жаль ханьцев? – громко спросил Черный Ясир.

– К чему безвинные жертвы?

– Это они безвинные? А кто первым кинулся убивать и грабить своих соседей? Не мы, точно. Согласен? Знаешь, брат Эбду, когда саранча нападает на твоё поле, ты должен истреблять её без жалости. Мой батальон первым пойдет на эти деревни. А ты сиди и жалей их дальше.

Я не знал, что мне ответить. Ведь где-то он был прав. Тем более перед глазами тут же промелькнули кровавые видения с моими близкими, и чувство мести, подобно яду черного скорпиона, заполнило тело.

– Эбду, давай сделаем так, – взял слово ахун Ма Лихэр. – Ты возьмешь на себя отряды вражеских ополченцев. Согласен?

– Да, – с облегчением прозвучал мой ответ.

– В общем, каждый займется своим делом, – подытожил Черный Ясир.

Через год на землях по северную сторону от реки Вей лишь черные пепелища напоминали о ханьских деревнях, а по руинам обезлюдивших городов и сёл бродили стаи голодных собак в поисках человеческой мертвечины. Облегчила ли мне душу месть? Оттаяло ли сердце? Так вот, поверь мне – нет. На душе было тоскливо и погано. Иногда накатывало такое ощущение, что мы, заблудившись в глухом лесу, ещё и увязаем в каком-то кровавом болоте. Вечерами, сидя у костров, мне доводилось слышать хвастливые рассказы некоторых бойцов о том, сколько мирного народу им удалось отправить на тот свет и каким добром поживиться. В такие моменты на душе становилось еще тягостнее. Но еще страшнее становилось, когда я слышал завистливые воздыхания других. Казалось, что люди превращаются в злобных, хищных зверей. Разве желал я подобного своим братьям? Разве это хоть чем-то напоминало справедливость?

И вот в один из дней, переполненный тяжелыми мыслями, я отправился к ахуну Ма Лихэру и просто обрушился на него со своими душевными проблемами. Он терпеливо выслушал меня. А затем, тяжело вздохнув, неожиданно выпалил:

– Верить – нет, проснусь среди ночи и до утра не сплю.

– А тебя-то что гложет?

– Да то же самое. И знаешь почему?

– За этим я к тебе и пришел.

– Мы сошли с правильного пути. – Обычно звонкий голос в этот раз звучал глухо. – После чуда в Сиане мы слишком возомнили о себе, – продолжил он, – решили, что Всевышний всецело на нашей стороне. Что мы творим сейчас? Мы мстим, убивая стариков, женщин, детей, рушим их дома. А ведь это против воли Аллаха, великого и милосердного. Знаешь, когда человек оступается, он тут же попадает в объятия шайтанов. Кто-то замечает это сразу, кто-то позже, кто-то никогда. Мы поддались уловкам шайтана. Всевышний непременно обернется от нас, и наказание его будет суровым.

– Брат, ты пугаешь меня. Почему ты не остановил нас, раз знал об этом?

– Я смалодушничал, побоялся идти против большинства. Это мой грех. Теперь день и ночь я прошу Аллаха о прощении.

– А как нам вновь заслужить его милость?

– По пятницам надо проводить совместный тауба-намаз. Аллах велик, он умеет прощать.

Но несмотря на наши старания собрать все батальоны даже на одну общую молитву покаяния оказалось невозможным.

– Брат Эбду, – ответил на мою просьбу Черный Ясир. – Нам не за что каяться перед Всевышним. Мы всё делаем правильно. Справедливость требует жертв. По-другому не бывает, ты сам это знаешь. А ахун – он праведник, по своим книжным законам живет. Ему бы всех прощать да миловать. Дорогу в рай надо же себе протаптывать. Ну, а если мы попозже покаемся, то что, Аллах нас не простит?

– Этого я не знаю... Брат Ясир, я давно хотел спросить тебя. Ты ведь занимал высокий пост у маньчжуров, не так ли?

– Да. Я командовал уездным гарнизоном.

– Почему ты перешел на нашу сторону?

– Склонивший голову всего лишь совершает движение. Дающий клятву всего лишь производит звуки. У них я выполнял работу, а здесь я исполняю долг. Я воин Аллаха.

– Ты поступил по совести, – проговорил я, хотя его ответ показался мне заученным и неискренним.

Так вот, из восемнадцати батальонов на совместный тауба-намаз пришли десять. «Не так плохо», – шепнул мне ахун.

– В своей жизни мы совершаем различные поступки, свято веруя, что добрые исходят от Великого Аллаха, а злые от мерзкого шайтана. Поверьте, это не так. – Голос ахуна вновь обрел свою силу. – И то и другое создает Всевышний. Не повстречавший зла не узнает, что есть добро. Иногда ты совершаешь добро, а затем с горечью осознаешь, что оно обернулось во зло. И наоборот. Так как же быть? Запомните, добро – это всё, что приближает тебя к Аллаху, милостивому и всемогущему. За недобрые деяния у тебя всегда есть шанс искренне покаяться. Ведь Великий Аллах воистину милосерден. Он прощает раскаявшихся. Но он не любит испытывающих его. И еще. Когда тебя одолевают сомнения, поступай по совести, ибо совесть – часть нашей веры.

После нескольких тауба-намазов мне полегчало. Я вновь стал слышать смех детей, как-то с интересом понаблюдал за пёстрой бабочкой, порхающей с цветка на цветок, заметил ласточку, обучающую первому полету своих птенцов, наконец, вновь ощутил силу своей руки, выхватывающую меч на полном скаку. И, главное, мне стало ясно, как отныне жить и воевать. Вместе с Мусой и «неприметными» мы стали формировать свой особый отряд. В него брали только тех, кто был готов жить и воевать по совести. В один из тех дней Муса подвел ко мне молодого бойца.

– Это брат Хасанза. Послушай, что он придумал, – с улыбкой на лице он ободряюще похлопал его по спине.

– Брат Эбду, я предлагаю нам всем, ну, тем, кого вы примете в свой отряд, обриться наголо. Чтобы этих поганых кос больше не носить, – предложение Хасанзы прозвучало очень неожиданно.

– Э-ээ... Как это?.. – от изумления я не мог выдавить из себя ни слова.

– Триста лет болтались они на наших головах. А теперь не будут, – он широко развел руками в стороны.

– Тебе известно, что если попадешься без косы, то голову сразу же отрубят? – ляпнул я в ответ очевидную глупость.

– Ну, если в их лапах окажешься, ее по любому отрубят. А так, пусть знают, что до конца драться будем.

– Верно. – Я стал приходить в себя. – Что ж, мысль хорошая. Очень хорошая. Я готов.

– С тебя и начнем, – оживился стоящий рядом Муса.

Это дело вызвало много смеха. На обрившихся народ глядел, будто они нагишом перед ними щеголяют. Ну ничего, привыкли. А знаешь, кто из наших сейчас носит еще эти косы? «Неприметные» – им в разведку ходить. И женихающиеся – они невест себе в соседних провинциях подыскивают.

Вскоре под черным знаменем нашего конного отряда собрались пять тысяч наголо обритых воинов. С тех пор число бойцов не меняется. Нас всегда пять тысяч. Из первого набора в живых осталось немного. Кстати, твой пушкарь Хасанза – это тот самый.

К тому времени мы уже хорошо знали учение Сун Цзы о военном искусстве и применяли его по полной. Наш конный отряд, как ртуть, переливался туда-сюда. Быстрота помогала использовать основное правило войны – обман. Изображаешь удар в одном месте, а бьешь в другом, заманиваешь в ловушки, перерезаешь пути подвоза провианта и воды. Такие вот «смертельные укусы». Говорят, паника и страх охватили генерала Мао. Он каждый день отсылал в Пекин слёзные письма, умоляя о скорейшей помощи. Однако вместо армии из Пекина прибыла группа чиновников, чтобы на месте оценить ситуацию. Они были готовы к встрече с чем-то ужасным. Но их воображение не могло даже представить самой малой части того, что они увидели: их встретил ад. В страхе чиновники понеслись назад в Пекин так, словно за ними гнались мои бритоголовые бойцы. А через месяц к Сианю ускоренным маршем уже подходила карательная армия генерала Ли Сунь Чжана.

– Муса, твои люди точно посчитали, сколько их? – грустно прозвучал голос ахуна на общем сборе командиров.

– Точнее не бывает. Сто двадцать тысяч солдат и офицеров, – со вздохом прозвучал ответ.

– Да... Это сила... Что делать-то будем? – с беспокойством заерзали командиры.

– Воевать. Мы хотели дать им бой. Так давайте и дадим, – смело заявил Черный Ясир. – То, что их много, еще ни о чем не говорит. Один наш воин равен трём «восьмеркам». Брат Эбду, твоё слово, – обернулся он ко мне.

– Перевес явно на их стороне. После стенки на стенку у нас никого не останется. Поэтому мы должны продолжить нашу тактику «смертельных укусов». А там посмотрим, – коротко высказал я свое мнение.

– Пока мы проредим эту армию, пройдет год, может, и больше. А там, глядишь, опять новая армия подойдет. Это ж сколько мы воевать с ними будем? Нет, давайте завалим их в одном бою. Если Всевышний не оставил в беде наших братьев в Сиане, то он и нам поможет. Аллаху акбар! – голос командира Суляна прозвучал как призыв. Многие тут же с готовностью поддержали его.

– Послушайте, братья, наша армия сильна, спору нет. Но чтобы справиться с ними, надо еще пятьдесят тысяч бойцов, не меньше. Где их взять? – обратился к присутствующим командирам ахун Ма Лихэр.

– Давайте попросим помощи у шейха Ма Дунвэй, – предложил Черный Ясир. – У него и люди, и продовольствие есть.

– Что ж, мысль хорошая, – согласился ахун. – Брат Эбду, брат Ясир, выезжаем завтра утром.

Провинция Ганьсу очень длинная и узкая, и потому ее всегда делили на две части – западную и восточную. Хотя здесь существовала законная цинская власть со столицей в городе Ланьчжоу, тем не менее провинцией негласно правили шейх Ма Дунвэй на востоке и имам Ма Тан Ю на западе. Шейх Ма Дунвэй происходил из древнего рода бухарских суфиев, потомков самого Мухаммада Бахауддина Накшбанди аль-Бухари. Народ боготворил его и почитал как святого.

Через три дня у ворот Большой мечети вблизи города Саньципу он лично встретил нас. Мне не доводилось видеть шейха раньше, и потому я с интересом взгляделся в него: высокий, широкой кости, с узким лицом, крупным носом и рельефными углами скул он казался вытесанным из куска скалы. В нем чувствовалась сила не только физическая, но и глубоко внутренняя. Подобно многим аскетам, он казался прикрытым невидимым плащом из непроницаемости, суровости и загадочности, словно ему приоткрылись некие тайны, недоступные другим. Возможно, так оно и есть. Ведь тот, кто меньше озабочен суетой земной, имеет больше времени общаться с высшими, небесными силами.

Совершив омовение, мы вместе помолились, после чего отправились в трапезную. В просторном зале ровными рядами стояли длинные деревянные столы со скамьями, всё из массивного, тяжелого дерева. Обычно здесь принимали пищу многочисленные ученики медресе. За одним из столов нас ожидал обед. Аскетизм хозяина распространялся и на еду для гостей: отварной рис, несколько видов жареных овощей и совсем немного отварной баранины. Но еда в тот момент не значила для нас ничего.

– Бойцов я вам дать не смогу, – сразу же огоршил нас шейх. – Продовольствием помогу.

– Люди нам важнее, – заметил ахун Ма Лихэр.

– У меня с маньчжурами заключен мирный договор.

– Вот, значит, почему вашу провинцию не трогают, – вступил в разговор Черный Ясир.

- Худой мир лучше доброй войны.
- А зачем вы тогда строите крепости вокруг города? – вырвалось у меня.
- Хочешь мира – держи меч острым.
- Значит, вы не слишком им доверяете, – снова прозвучало от меня.
- Я не могу первым нарушить договор.
- Похоже на шаткий мост, – продолжил я. – А не лучше ли нашим четырём провинциям: Шэньси, Ганьсу, Цинхай и Кашгария объединиться? Это ведь огромная сила.
- Не думаю, что такое возможно.
- Почему?
- Мы слишком разные. Какая общая цель может сплотить нас?
- Разве братья по вере не должны стоять плечом к плечу?
- Должны. Но не будут. Вы объявили врагу джихад, потому что враг напал на вас. А у нас в Ганьсу мир. То же самое в Цинхае. Вы знаете людей. Пока беда в стороне, отвернутся, глаза и уши закроют – сами разбирайтесь... Теперь о Кашгарии. Во-первых, это далеко. Во-вторых, насколько мне известно, кашгарцы хотят там свой халифат создать. Это не наш путь. Разве мы говорим о собственном государстве?
- Нет. Мы подданные Сына Неба и лишь хотим справедливого к нам отношения, – отозвался ахун Ма Лихэр.
- Вот именно. Но теперь добиться этого будет очень и очень трудно.
- Почему? – почти хором задали мы ему этот вопрос.
- Одно дело воевать с армией. Другое – с мирным народом. Власть такое не прощает. – В его словах мне почудилась смертельная тревога.
- Вы осуждаете нас? – спросил ахун Ма Лихэр.
- Время покажет, – прозвучал уклончивый ответ.
- Так вы, уважаемый шейх, не верите в нашу победу? – с вызовом произнес Черный Ясир.
- На поле боя вы можете победить в том или другом сражении. Но в войне – нет.
- Так что, нам сложить оружие и сдаться на милость врагу? – мне тоже была непонятна позиция шейха.
- Нет. Надо биться, но избегать крупных сражений. Долгая война никому не выгодна. Власть рано или поздно начнет переговоры.
- Постоять в сторонке, пока мы воюем. Вот, значит, каков ваш план! – с некоторой долей сарказма и возмущения воскликнул Черный Ясир.
- Главное – сберечь народ. Нас не так много, – ровно и негромко прозвучал голос шейха.

На следующее утро мы двинулись домой. На плодородных рисовых чеках копошились фигурки людей. Где-то совсем рядом великая Желтая река огибала город Саньципу. С другой стороны тянулась гряда гор, переходящая в мало приспособленное для жизни плато Ордос. Обернувшись и взглянув на оставшийся позади нас город, до меня дошло – маньчжурская армия может напасть на него только с этой, южной стороны. Все остальные стороны защищены самой природой: рекой, горами, безжизненной землей. Вот, значит, почему шейх Ма Дунвэй строит здесь свои крепости. Что ж, мудрое решение.

Вслух я ничего не произносил, так как ахун Ма Лихэр и командир Черный Ясир поносили его как только можно: «Предатель... Жалкий трус... Отступник... Слабак...»

– Я знаю, кто не откажет нам в помощи, – неожиданно заявил ахун Ма Лихэр. – Едем к нему.

Так мы двинулись на запад провинции Ганьсу, где властвовал ахун Ма Тан Ю. Все мы знали, что он люто ненавидел своего восточного соседа. И мы

знали почему. Дело в том, что свой авторитет он приобрел за счет огромного богатства и безграничной власти. Почти всё здесь принадлежало его семейству. Он мог поддержать или разорить любого крестьянина, торговца или ремесленника, назначить на хорошую должность своего человека. Однако его душу терзало другое – как завоевать людские сердца, истинное уважение народа? Купленный почет казался ему сродни продажной любви, и от этого в груди скребли острые когти, а молитвы лишь на время глушили горькие душевные страдания.

– Другого я от него и не ожидал, – пренебрежительно усмехнулся ахун, сидя за богато накрытым в нашу честь обеденным столом. Собой он представлял полную противоположность шейху Ма Дунвэю. Невысокий, упитанный, с круглым рябым лицом и хитрыми, цепкими щелками-глазками, он более напоминал крупного, прожженного купца, чем благочестивого проповедника. Людская природа уже давно перестала меня удивлять. Потому я молча пил чай и ждал окончания переговоров. Однако то, что я услышал, меня просто ошеломило.

– Что ж, я с вами, мои дорогие братья. Вы получите пятьдесят тысяч моих бойцов, – заверил нас ахун Ма Тан Ю. У меня не было возможности взглянуть ему в глаза, так как я сидел сбоку, но что-то по-змеиному холодное скользнуло в моей груди. Я тут же прошептал про себя дуа, отгоняющее дурные мысли.

По прибытию в боевой лагерь ахун Ма Лихэр собрал командиров и донес до них хорошие вести. Радость и ликование были такими, словно мы уже одержали победу.

– Братья! Начинается наша великая битва. Или мы, или они. Другого нам не дано. Помните, Всевышний с нами! Аллаху акбар! – прозвучало из уст ахуна Ма Лихэра.

– Аллаху акбар!!! – проревело в ответ.

Запасшись продовольствием, оружием, отлив достаточно пуль и ядер, мы ждали обещанное войско ахуна Ма Тан Ю. Червь сомнения каждый день точил меня: придет ли оно? Или это было пустое обещание?.. Но в один из дней на горизонте засверкали острия пик, заколыхались знамена пятидесяти тысячного войска ахуна Ма Тан Ю. Молодец ахун! Держит свое слово! О Аллах, милостивый и всепрощающий, прости меня за мои низкие мысли! Тяжелый, гнетущий камень наконец-то спал с моего сердца.

Наша огромная армия двинулась на врага. По пути мы постоянно замечали маньчжурских разведчиков, зорко отслеживающих наше движение. В свою очередь «неприметные» под командованием Мусы глаз не спускали с неприятеля, и вскоре от них стали поступать первые важные сообщения: «Армия генерала Мао готовится к выступлению... Армия генерала Ли Сунь Чжана начала движение... Армия генерала Мао покинула лагерь».

– Они двинулись на нас двумя колоннами. Хотят, как рак, своими клешнями обхватить, сдавить, перемолоть и сожрать нас, – стоя у настенной карты, рассуждал я перед командирами Великих батальонов. – Поэтому я предлагаю уничтожить клешни по отдельности.

– Интересно, – донесся голос Черного Ясира.

– Наша задача не дать их колоннам окружить нас и сомкнуться. Для этого часть нашей армии выдвинется навстречу Ли Сунь Чжану и встретит его на дальних подступах. Вот здесь, – я сделал на карте пометку. – Пока мы будем его там удерживать, армию генерала Мао пропустим глубже, и вот здесь, – на карте я сделал еще одну жирную пометку, – наши основные силы начнут с ней бой. Пятьдесят тысяч бойцов ахуна Ма Тан Ю скрытно подойдут к этому месту с запада и будут оставаться в засаде. Затем по сигналу они ударят с фланга. Так мы разобьем одну клешню и затем уже общими силами перекинемся на другую. Таков, в общем, мой план.

– В целом задумка хорошая, – заметил Черный Ясир.

– Значит, берем этот план за основу и все вместе дорабатываем его до конца, – добавил ахун Ма Лихэр.

Знаешь, офицер Лода, в жизни не существует провидцев и предсказателей. Никому не подвластно заглянуть вперед. Всё в руках и во власти Всевышнего. Он определяет и отмеряет положенное нам за наши деяния. Он никому не мстит. Он воздаст по справедливости. К чему это я? Да к тому, что слова ахуна Ма Лихэра о наказании сбылись...

Сражение началось так, как мы и задумали. Воины моего Великого батальона Небесных Тополей рвались в бой, словно изголодавшиеся тигры. Разбившись на сотни, размахивая черными знаменами, мы кружили, дразнили, совершали дерзкие налеты на колонну врага, заставив его остановиться и выстроиться в боевые порядки. Первая нужная нам цель была достигнута.

В это время армия генерала Мао продвигалась глубже, обходя наши основные силы на правом фланге, где вскоре завязались первые бои. Передовой отряд маньчжурской конницы с ходу, подобно крепостному тарану, врзался в ряды бесстрашных шахидов. Из забурлившего кровавого смерча лишь единицам врага удалось вырваться и умчаться назад. Наши Великие батальоны, воодушевленные успехом, напрочь забыли о военных ловушках и бодро двинулись на выстроившуюся перед ними армию генерала Мао, которая податливо расступилась и тут же встретила наступающих сотнями пушечных ядер и тысячами пуль. Генерал Мао ликовал при виде редуемых отрядов наших повстанцев. Он отдал команду пустить с флангов конные отряды, чтобы окружить и порубить в капусту ненавистных ему мятежников. Этот момент был предусмотрен нашим планом. Сейчас генералу Мао будет не до радостей. Ахун Ма Лихэр приказал дать сигнал к атаке ждущим в засаде отрядам ахуна Ма Тан Ю. Но... из-за ближайших холмов не показалось ни одного бойца, ни конного, ни пешего, словно их всех смыло какой-то гигантской волной. А всадники генерала приближались всё ближе и ближе. Уже отчетливо виднелись вышитые львы и фениксы на их знаменах. Блеск мечей ослеплял глаза. А из-за ближайших холмов так и не появлялось ни души. «Предательство!!!» – пронзило головы наших командиров...

Мы потеряли половину армии... Знаешь, офицер Лода, поражение – это хороший урок и горький опыт. После него становятся либо сильнее и двигаются к победе, либо слабее и скатываются к поражению. У нас не случилось ни первого, ни второго, а произошло третье – армия расползлась как плохо сшитое лоскутное одеяло. Под единым началом, вместе с нашим отрядом Небесных Тополей, осталось всего шесть Великих батальонов. Остальные разбрелись по провинции. Каждый уважающий себя ахун или богачей стал формировать из них свои маленькие армии. Со временем их или разбили, или они в полном составе перешли на сторону маньчжуров...

А что же случилось с ахуном-предателем Ма Тан Ю?

– Подонок... Шайтан... Мразь... Как нам его достать? – звучало среди уцелевших командиров на первом после ужасного разгрома сборе.

– Он сейчас в Сиане под защитой маньчжуров, – доложил Муса. – Там его не взять, – добавил он.

– Знаете, братья, мы его возьмем. Но не сейчас. Пусть пройдет время. Полгода, год, два. Он успокоится, расслабится. Пусть думает – мы его забыли, нам не до него. И вот тогда... Никуда он от нас не денется, – сдерживая слезы и ярость, я выразил свое мнение.

– Мы могли бы подослать к нему убийцу. Но вряд ли это будет справедливым возмездием. Действительно, нам не надо торопиться. Пусть предатель наслаждается плодами своего бесчестия. Ведь когда он предстанет перед нами,

он увидит не только нас, но и распахнувшиеся врата ада, – высказался ахун Ма Лихэр.

– Да, торопиться не будем. Но давайте выделим людей, которые будут день и ночь следить за ним, – предложил Черный Ясир.

– Они уже работают, – незамедлительно прозвучал голос Мусы.

* * *

Ахуна-предателя мы схватили спустя два года в Ланьчжоу. «Неприметные» прекрасно выполнили свою работу... Дрожащее от страха тело ахуна, завернутое в облепленное грязью рогожу, завезли во двор деревенской мечети и сбросили на землю. Вокруг быстро собралась толпа любопытствующих.

– Фу-у... Воняет, как старый барсук. Кто это там? – проговорил молодой боец, толкая в бок соседа.

– Большой. Очень большой шайтан, – прозвучало в ответ.

– А взаправду? – добивался своего молодой боец.

– Ахун-предатель Ма Тан Ю.

– Что?! Тот самый?!

– Ага.

– Я отрежу голову этой твари! – Боец выхватил из-за пояса нож. – Из-за него погиб мой отец.

– Успокойся, братишка! – раздался громкий голос Мусы. – Он ответит перед нами всеми.

– Брат Муса, расскажешь, как вы его взяли? – раздался голос из толпы.

– Да!.. Давай, расскажи! – полетело вслед.

– Без помощи Аллаха и добрых людей ничего бы не получилось, – начал рассказывать Муса. – Этот мерзавец знал, что за ним будет охота, и потому обзавелся мощной охраной, прятался за высокими, крепкими стенами. Но он упустил одну вещь – предателей ненавидят даже те, кто им служит. Мы нашли много таких людей. Зарезать, застрелить, отравить его не составило бы нам большого труда. Но мы хотели, чтоб он стоял перед нашим судом. А это уже чуть сложнее. Поэтому мы не торопились, ждали подходящего момента. И вот когда он перебрался в Ланьчжоу, мы поняли: брать его будем там. В большом городе действовать легче. Кто бывал там, знает, что через него течет Желтая река, и люди с одного берега на другой добираются на особых плотках. Они держатся на нескольких надувных мешках, которые делают из бараньих шкур.

Так вот, недавно нам сообщили, что ахун Ма Тан Ю собирается на другой, северный берег реки. Там он будет выбирать место для строительства своей новой неприступной усадьбы-крепости. Три дня назад речные перевозчики получили заказ от человека ахуна, чтобы к утру следующего дня на берегу стояло два плота. Ранним утром они покачивались на воде, поджидая своих заказчиков. Ахун прибыл с охраной и несколькими такими же предателями. Настроение у них было прекрасное. Они много шутили и громко смеялись. Им и в голову не могло прийти, что плотками управляют наши «неприметные». Добравшись до середины реки, «неприметные» дружно соскользнули с плотов в воду и в одно мгновение продырявили бараньи шкуры. Охранники и друзья ахуна полетели с перевернувшихся плотов в холодную реку. Доспехи и намокшая одежда быстро утянули их на дно. А окаменевшего от страха ахуна, который тоже топором ушел бы вниз, подхватили наши ребята и одним махом забросили в подошедшую лодку. Ниже по течению, на берегу, я встретил их. Там мы упаковали его, и вот улов перед вами, – Муса с брезгливым выражением лица указал рукой в сторону грязной рогожи...

Ахуна Ма Тан Ю привели в чувство, отмыли, накормили. Теперь он должен был рассказать нам много чего интересного. И мы не ошиблись.

– Шайтан попутал меня. Сам не знаю, как я в его лапы попал, – голос ахуна сильно дрожал. – Нет мне прощения на земле. Уповаю лишь на милость Аллаха, великого и милосердного. Но не ради себя жил и старался я. Всё ради нашего народа...

– Вот только за народ своим поганым языком не мели, – грубо перебил его Муса.

– С кем ты вел переговоры?

– С советником Суном.

– Давай, рассказывай, – прикрикнул Муса.

– Вы же знаете, у маньчжуров везде свои люди, – начал говорить ахун. – Они много чего о нас знают... Так вот, едва вы уехали от меня, ко мне зашел уважаемый ахун Су Ван Лю. «Не с теми ты связываешься», – сказал он мне. «А с кем надо?» – удивленно спросил я его. «С императорским советником Суном», – прозвучал неожиданный для меня ответ.

Оказывается, советник Сун, в отличие от генерала Мао, искал мирные способы завершения нашей войны. Через влиятельных дунган в Пекине он выяснял, кто из вождей восстания готов к переговорам, и устраивал с ними тайные встречи. Так он вышел на ахуна Су Ван Лю, а тот пришел ко мне.

– Ты с ним уже встречался? – спросил я его.

– Еще нет. Он ждет сигнала от меня. А я думаю, если поедем вместе, то будет лучше.

– Может быть... Ты не боишься, что нас за предателей посчитают? За это ведь и без голов остаться недолго.

– А ты точно уверен, что мы маньчжуров победим?

– Не совсем.

– То-то и оно. А сколько денег ты уже потерял? Только честно.

– Много. Очень много.

– Нищим остаться хочешь? Так поверь мне, тебя и нищего маньчжуры казнят. А вот если договоримся с ними...

– Хм-м... Кто еще знает об этом?

– Только мы двое...

Встреча с советником Суном прошла в Сиане, в резиденции губернатора. Офицер с суровым лицом провел нас к нему так, что по пути не встретилось ни одной живой души. Войдя в зал, офицер совершил несколько глубоких поклонов и затем произнес: «Господин советник, ваше поручение выполнено. Уважаемые господа из Ганьсу прибыли». Откланявшись, он удалился. А мы обменялись вежливыми поклонами, после чего советник Сун подошел к нам и, учтиво взяв под руки, усадил за стол. Я не знаю, шайтан ли он? Но своим простым поведением и убедительными словами он околдовал нас. Казалось, ему удается проникать в голову и читать наши мысли.

– Знаете, – сказал он, – крепости берутся силой, оружием и хитростью, власть – связями, интригами и деньгами. А чем завоевывается уважение народа? – он задал вопрос и внимательно посмотрел на нас. В нем не чувствовалось ни воинственности, ни скрытой ненависти. Наоборот, из него сквозила доброта буддистского монаха, а временами он напоминал строгого, но любящего своих неразумных детей отца. – Заботой, – так и не дождавшись от нас ответа, произнес советник Сун. Затем продолжил: – Глядя на несчастных обездоленных соседей из Шэньси, ваши люди будут боготворить вас за то, что вы уберегли их от смерти, сохранили дома и землю. Ваши имена будут помнить поколения. А я со своей стороны заверяю вас, наша власть сумеет позаботиться о тех, кто проявит преданность своему императору.

И вдруг ахуна словно подменили. Такое случается, когда человек вдруг понимает, что семи смертям не бывает, и наполняется силой. Он выпрямился,

голос его более не дрожал. Люди вокруг притихли и еще внимательнее вслушивались в его слова.

– После таких слов у меня словно крылья выросли, – продолжал рассказывать ахун. – Я понял, что могу спасти хотя бы часть нашего народа. А может, это и есть мое предназначение в этой жизни?.. Советник Сун сдержал слово, отвел от нас «восьмерок». Нас не трогают. Люди работают на полях, торгуют, богатеют. Разве это плохо? Люди зовут меня теперь своим спасителем. А те, кто считает предателем, уходят в ваши отряды. Это их выбор. Но я скажу: нам надо мириться с маньчжурами, иначе мы потеряем весь наш народ. Свое предательство, думаю, я искупил жизнями тех, кто мирно живет и трудится сейчас. Аллах велик, он рассудит нас...

После его слов в воздухе повисло долгое молчание. Все о чем-то задумались. Да, его предательство стоило жизни десятков тысяч бойцов. Но в живых остались сотни тысяч мирных людей. На каких весах взвешивать его деяния? Какие гири ставить? Казалось, рука с мечом замерла в цуне от его шеи и не хочет перерубать ее. На удивление, он уже не казался таким жалким. В его искреннем покаянии не слышалось слов глубокого раскаяния. Мы понимали прозвучавшую правду жизни и потому впали в легкую растерянность. Ахун ждал нашего решения, а нам совсем не хотелось брать на себя роль небесного судьи. Но в тот момент я еще раз понял – мы, люди, не решаем ничего... Совсем ничего... Потому что произошло следующее: ахун, увидев наше молчание, осознал, что его слова произвели некое магическое воздействие и его жизнь спасена. В нем забил родник жизни. Он поднял голову и посмотрел на нас если не как победитель, то, верно, как равный на равных... И в это самое мгновение, рассекая воздух, невесть откуда вылетело длинное копьё с султаном из конских волос на острие и с лёта пронзило грудь ахуна... Никто не стал искать кинувшего, никто не бросился к рухнувшему на землю телу. Всем было ясно – это рука Аллаха.

Ахуна Су Ван Лю мы не стали трогать. Поняли, вершить земной суд не наше дело. Прошел год после того случая. В провинции, помимо столичного Сианя, нигде больше не оставалось нашего люда. Оставшийся в живых народ перебрался в Ганьсу, Цинхай или ушел еще дальше в Кашгарию. Почему советник Сун не смог утвердить мир на нашей земле? Потому что он не был всесильным, а перед ним оказался чрезвычайно коварный враг – нет, не мы, а генерал Мао Хунлинь. Убивать, убивать, убивать – вот чем одержим этот шайтан. Как же я хотел, мечтал перерезать ему глотку. Но за все минувшие годы нам так и не удалось подобраться к нему. Сколько и каких бойцов мы потеряли в попытках прикончить это чудовище... Я часто чувствую свое бессилие перед ним и от этого впадаю в полное отчаяние. Ну почему Аллах, всесильный и справедливый, позволяет ему жить на этой земле? Когда же воздастся ему? Сколько еще страданий мы должны вытерпеть?

Офицер Лода, знаешь, почему он направил свои войска на шейха Ма Дунвэя? Сказочное богатство шейха – вот что не давало покоя его алчной душе. Знаешь, какой повод он придумал, чтобы нарушить мирный договор? Он сочинил гнусное, ложное письмо, якобы написанное лично шейхом Ма Дунвэем, в котором тот призывает народ к восстанию против Небесного императора. Только шайтан способен на подобную подлость... Генерал рассчитывал быстро взять Саньципу и захватить казну. Но его стодвадцатитысячная восьмизнаменная армия уперлась в неприступные крепости. И вот однажды к нам в лагерь прибыл гонец от шейха Ма Дунвэя. Разговор был коротким.

– Брат Эбду, шейх Ма Дунвэй просит тебя о помощи.

– Передай уважаемому шейху, мы будем в самое ближайшее время.

Едва осела пыль из-под копыт умчавшегося назад гонца, как мы собрали военный совет. На нем впервые за многие годы отсутствовал Черный Ясир.

«Возможно, захворал», – подумал я. Но в тот же вечер ко мне подошел встревоженный Муса.

– Брат, я тебе об этом еще не говорил, но мы уже давно присматриваем за Черным Ясиром.

– Мне хорошо известно, чем он занимается.

– Ты о торговле опиумом?

– Да. Что-то еще?

– Сегодня он тайно встречался с генералом Мао.

– Ах, вон оно как. Хочет перейти на его сторону?

– Жалкий предатель.

– Каждый живет по совести.

– Еще мы узнали, генерал простит его только при одном условии.

– Интересно...

– Это ты. Живой или мертвый.

– Он согласился?

– Да.

– Брат Ма Лихэр знает об этом?

– Не знаю. Они увидятся завтра. Будь теперь вдвойне осторожнее.

– Спасибо, брат Муса.

Через пару деньков мы вместе с ахуном Ма Лихэром пили чай. Он сообщил о решении Черного Ясира и намекал мне о мире с маньчжурами. А еще через день он пригласил меня на ужин к городскому имаму Ма Дунло.

– Брат, там ловушка. Не стоит тебе туда идти, – строго предупредил меня Муса.

– Кто еще там будет?

– Черный Ясир с группой своих бойцов.

– Неужели брат Ма Лихэр готов так низко пасть? Не могу в такое поверить.

– Брат, не испытывай судьбу. Мы их всех и так прикончим.

– Нет. Я должен дать ему шанс остаться человеком. Давай поступим по-другому. Если всё закончится разговорами-уговорами, не трогайте их. Пусть живут. Но если решатся на свой гнусный замысел, то... – Мы с Мусой до мелочей обговорили план действий, после чего я отправился в дом городского имама...

Все предательства имеют оправдания. Но объединяет их нож в спине друга. Простил бы я сейчас ахуна? Да. Сожалею ли я о его смерти? Нет.

Затем наступил Саньципу. То, что пришлось пережить и увидеть там, заставило позабыть всё, что было до этого... Светлыми пятнами останутся лишь несколько бесед с шейхом Ма Дунвэем. Одна из них изменила мою жизнь. В тот вечер, опустошенный после очередного кровавого боя с маньчжурами, я растянулся на уютном теплом кане в комнате, где обычно проживали ученики медресе. Несмотря на усталость, спать совсем не хотелось. Глаза уперлись в белый потолок с длинными, потемневшими от времени деревянными балками. На сердце волнами накатывало что-то необъяснимое, тяжелое и печальное. И в этот момент в дверь постучали.

– Заходите, – крикнул я.

– Брат Эбду, – на пороге стоял посыльный от имама, – старший брат приглашает вас на чай. Что мне ему передать?

– Уже иду, – ответил я, соскочив с кана.

У имама Ма Вэндюя чай по обыкновению пили за низким столиком, уставленным на резном деревянном топчане, покрытом стегаными ватными одеялами-курпачи. По соседству с расписными бухарскими пиалами на столе размещался разноцветный фарфоровый поднос с сухофруктами и орехами.

– Красиво и уютно, – сказал я, обедая рукой место нашего чаепития.

– Это напоминает о моих корнях.

– На чужбине, говорят, люди забывают свою родину уже через два поколения.

– Скорее всего, так и есть... Эбду, тебя что-то гложет? Или я ошибаюсь? – мягко спросил он.

– Я боюсь этого.

– Чего?

– Забыть родину.

– Почему ты вдруг так говоришь?

– Потому что её у нас отняли, и я никогда не вернусь в Небесные Тополя.

А разве может человек без земли и дома? Пусть всё сожжено, разрушено, разграблено, человеческие руки всё создадут заново. Лишь бы было куда возвращаться.

Я замолчал. Имам не проронил ни слова, но его молчание словно подбадривало меня высказать наиболее болезненное.

– Знаете, – продолжил я, – мне часто снится, как я устало бреду вдоль бесконечного речного берега, ищу брод и не могу найти. А мои прожитые годы вдруг выстраиваются в нескончаемый журавлиный клин, и он несется под шелест тополиных листьев в черном-черном небе, где нет ни одной звезды.

Наверное, я выразился слишком мудрено, потому что он задержал на мне слегка удивленный взгляд и только потом, после короткого раздумья, произнес:

– Тебя держит прошлое. Цепко держит.

– Да. Понимаю, туда не вернуться...

– А ты думал о новой, лучшей жизни?

– Нет.

– А о новой родине?

– Даже представить не могу. Вообще-то, ахун Ма Лихэр говорил, что главное не кусок земли, а наш джамаат, умма.

– Да. Царства имеют пределы, вера не знает границ... Но запомни, среди чужих степей мечеть не строят. Народ должен иметь свой уголок земли, который станет ему дорожке всех других.

Эти слова запали очень глубоко. Они придали силы и отняли страх перед неизвестностью.

– Главное – стремление! Оно подобно реке, прорвавшей дамбу, – услышал я в конце нашего разговора.

Вот так предо мной открылся путь – путь к новой родине... Да, чуть не забыл. У имама Ма Вэндуя не было никаких сокровищ. Он всё тратил на строительство каналов, дорог, мечетей...

Голос Зеленого Вихря смолк. Чистую предрассветную тишь, зависшую над холмом, тускло осветил первый луч забрезжившего рассвета. Лотар с первых слов провалился в рассказ Зеленого Вихря, как в густой туман, и теперь ему почудился в воздухе запах крови и смерти, приправленный гарью пороха. Оглянувшись по сторонам, он заметил фигуру Зеленого Вихря, отрешенно склонившуюся в утренней молитве. Себя Лотар считал умеренным атеистом – чтение модных, не верящих в Бога философов не прошло бесследно. Он давно покинул свою церковную общину, однако продолжал чтить все религиозные праздники и традиции и перед каждой трапезой не забывал вознести Небесному Отцу короткую молитву. А вот сейчас, где-то за тысячи километров от уютной, тихой Отчизны, на холодном холме под чужим сизым небом, он вдруг почувствовал в груди какую-то необычную, невидимую силу, заставившую его беспрекословно припасть на колени. Подошедший к нему после намаза Зеленый Вихрь увидел странную картину: длинные пшеничные волосы Лотара

развевались под легкими порывами утреннего ветра, устремленный ввысь взгляд словно высматривал кого-то там в небесной дали, а губы шептали и просили того невидимого о прощении грехов земных и милости небесной. Зеленый Вихрь отошел в сторону. Он понял, о чем молится чужестранец.

Вскоре, с винтовками за плечами, они подходили к отряду.

– Командир Эбду, в твоих словах я услышал и горе, и надежду. Да поможет вам Бог! – произнес Лотар, ощущая при этом небывало сильное сочувствие к этим пострадавшим, но не сломленным людям. Именно сочувствие, а не жалость, ибо последнее вызывают слабые.

Глава семнадцатая

На следующее утро отряд ускорил ход. Шли переменным аллюром, время от времени меняя лошадей. Глубоко после обеда пришла тревожная новость. Гацим, командир разведгруппы, выдвинувшейся далеко вперед, на полном галопе домчался до Зеленого Вихря и осадил коня прямо перед ним.

– «Восьмерки» в десяти ли от нас, – возбужденно доложил он. – А их разведка совсем рядом.

– Вот чёрт! – вырвалось у Зеленого Вихря. – Они двигаются намного быстрее, чем я ожидал, – озадаченно добавил он. – Так. Всем срочно покинуть дорогу! Уходим вон за тот холм с выжженной травой.

– Колонна сильно растянута. Мы видели только конницу. Пехота ещё не появлялась, – прозвучало от Гацима.

– Сколько же их там?

– Пока все мимо не проедут, не сосчитаешь. Но очень много, это точно.

– Мм-да... В каком месте идет артиллерия?

– Не видели. Наверное, плетется сзади, как наша.

– Так. Возвращай ребят назад. Теперь они здесь нужнее.

Отряд укрылся за холмом с выжженной травой. Ждать врага действительно пришлось недолго. Из-за дальнего изгиба дороги резко вынырнули несколько маньчжурских всадников. Это были армейские разведчики. Они шли быстрой рысью, внимательно осматриваясь по сторонам и вглядываясь в дорожную пыль – возможно, где-то свежие конские яблоки или отпечатки подков. Однако опытные «неприметные» не оставляли за собой таких следов. А вскоре в желто-красном свете закатного солнца появились конные ряды армии генерала Мао Хунлиня. Они ехали побатальонно, со знаменосцами впереди.

– Смотри, штаб генерала, – прошептал Лотар Зеленому Вихрю.

– Надежно прикрылся, гад, – прозвучало в ответ. Генеральский обоз двигался посреди колонны. По бокам его защищали отряды всадников.

– А вот и артиллерия пошла. Так... Восемь батарей... – завершил подсчет Лотар.

– Это сколько пушек? – спросил Зеленый Вихрь.

– Сорок восемь... А у них сто двадцать. Не все с собой взяли. С чего бы? – с легким удивлением задался вопросом Лотар.

– Чтобы двигаться быстрее. Вот почему и пехоты нет, – ответил Зеленый Вихрь.

– В таком темпе они прямо вслед за нами к лагерю подойдут.

– В том-то и дело.

Солнце вскоре закатилось за горизонт, и возле бледного полумесяца заблестели ранние звездочки. А затем всё и вся покрылось тьмой: глубокой, черной и звездной. Отряд «неприметных», словно ночной хищник, вышедший на охоту, отправился вслед за армией генерала Мао. Колонна чуть замедлила

ход, освещая дорогу тысячами зажженных факелов, а ближе к полуночи прогрохотали барабаны и раздались голоса командиров, объявивших уставшим солдатам о долгожданном ночлеге.

Отряд «неприметных» подкрался к обозам с боеприпасами и теперь терпеливо ждал, когда лагерь погрузится в сон. Лотар впервые участвовал в таком опасном деле, и сердце его билось намного чаще обычного. Время от времени он пытался успокаивать себя медленным, глубоким дыханием.

«Главное – в плен к ним не попасть», – подумал про себя Лотар. А лежащему рядом Зеленому Вихрю почему-то вспомнилось, как они с Мусой все-таки попытались освободить приговоренного к смерти маслодела Шин Дивазу. Та ночь, девять лет назад, была такой же звездной, а земля сырой и холодной...

...Тянул свежий ветерок, а с ним на молодые души Эбду и Мусы навалились тревожные чувства. О чем они думали, что мелькало в их головах, с какой скоростью бились сердца? Они не сказали друг другу ни слова, но тяжело вздохнули одновременно.

– Боишься? – выдавил из себя Муса.

– Немного. Главное, думаю, живым к маньчжурам не попасть, – ровным голосом ответил Эбду.

А в это время к речному причалу в сопровождении факельщиков, барабанщиков и отдельного солдата с ружьями за плечами прибыла повозка с клеткой, в которой, сжавшись в клубок, сидел маслодел Шин Диваза с тяжелой кангой на шее и кандалами на ногах. Темнота скрывала следы тяжелых побоев, но его шипящее, с хрипами дыхание выдавало, что они не прошли бесследно. С другой стороны реки бесшумно подошла узкая плоскодонная лодка-сампан с двумя гребцами: на корме и на носу. Возле каждого из них горел закрепленный на коротком шесте фонарь, отбрасывающий зловеющий желтый свет на темную, подрагивающую рябь воды.

– Тащите злодея! – донесся до друзей приказ офицера, возглавлявшего команду.

Солдаты забегали, с шумом открыли клетку, волоком вытащили из нее несчастного Дивазу, швырнули на землю, а затем, подстегивая длинными палками, погнались по дощатому настилу причала к лодке. Звук каждого удара разносился вдоль берега и врзался в уши.

– Твари, – шепнул Эбду. Ночь скрыла его блестящие от слез глаза.

– Пора, – коснулся его руки Муса.

– Аллаху акбар! – тихо прозвучало в ответ.

Друзья подтянули закрепленные к поясам короткие мечи и ползком скользнули по глинистому берегу, бесшумно погрузившись в холодную воду реки. Они плыли наискось к середине реки, держась за наполненные воздухом бурдюки из бараньих шкур.

А у причала гребцы отталкивали шестами свою плоскодонку. Арестант, брошенный на мокрое днище, громко хрипел. Два солдата уселись на скамью, опустив свои ноги прямо на него. Нос лодки медленно встал поперек течения. Несколько взмахов веслами – и она, набирая ход, пошла в сторону едва заметного на другом берегу огонька.

Через некоторое время в отблесках лунного света Эбду и Муса увидели, что лодка идет быстрее, чем они предполагали. Расстояние между ними увеличивалось на глазах. «Они уходят!» – дрожащим от холода и ужаса голосом просипел Эбду. В отчаянии друзья бешено заколотили ногами, пытаясь ускорить свое движение. Но лодка, стремительно рассекая воду, отдалялась всё дальше и дальше... А через несколько дней Эбду увидел отрубленную голову маслодела у стен Сианя...

«Сегодня никакой ошибки. Теперь на мне жизнь не одного человека, а тысяч», – прикрыв глаза, мысленно прошептал про себя Зеленый Вихрь.

* * *

Генерал Мао Хунлинь проснулся ранним утром в отменном настроении. Впервые за последнее время он так хорошо выспался. Сон был необычайно крепок – верный признак успокоившихся нервов. Возможно, произошло это от того, что войско движется без сучка и задоринки и гораздо быстрее, чем планировалось. «А значит, я обрушусь на голову Зеленого Вихря внезапно, как тигр, крадущийся за своей жертвой в зарослях бамбука. Как хорошо, что пехотные части и половина артиллерии оставлены далеко позади», – удовлетворенно подумал генерал, потянувшись под нежным шелковым одеялом. Затем, ощутив мощный прилив сил, он бодро вскочил на ноги. В дальнем углу шатра копошился доктор Хуа третий, смешивая в чашке свои целебные снадобья.

– Доктор Хуа, вчера я покончил с могучим шейхом, завтра разделаюсь с непокорным мятежником, послезавтра снесу голову новоявленному правителю Кашгарии. В Поднебесной вновь наступит спокойствие и гармония. И вот скажите мне теперь, кто из нас прав? Советник Сун со своими жалкими призывами к миру или я, не знающий пощады к врагу?

– Я служу вам, и потому правы вы.

– А если бы служил советнику Суну?

– Был бы прав он.

– Ах вы жалкий лицемер, – рассмеялся генерал. – Значит, правды мне не слышать?

– Вы идете к одной цели. Но разными путями.

– Доктора тоже лечат больного по-разному. Главное – чтобы он снова стал здоровым, верно?

– Да. Но, к примеру, зараженную ногу можно вылечить как прижиганием, так и отсечением.

– Это зависит от тяжести болезни, не правда ли?

– Без всякого сомнения, именно так.

– Кто определяет состояние больного?

– Понятно, доктор.

– Из чего он исходит?

– Из знаний, опыта, интуиции.

– Так вот, дорогой доктор Хуа, все эти перечисленные вами качества подсказывают мне, что нашу захворавшую империю прижиганием не излечить.

– Согласен. Веско и убедительно, мой генерал.

– Хотя вы и льстите мне, как всегда, тем не менее я чувствую в своих словах силу и правду... Так, подавайте-ка свою чудесную смесь. – Но едва генерал протянул руку к фарфоровой чашке, как снаружи раздались громкие крики, не сулившие ничего хорошего. – Что там происходит? Где офицер Ван? – нахмутив брови, бросил он в воздух. Тут же, словно из-под земли, появился встревоженный адъютант.

– Господин генерал, срочное донесение! Ночью произошло нападение на артиллерийский обоз. Командир Ли Кун ждет вашего разрешения к докладу.

– Впустить!

Генерал хорошо знал командира Ли Куна, возглавлявшего тыловую охрану, и полностью доверял ему.

– Докладывайте со всеми подробностями.

– Сегодня ночью, сразу же после третьей стражи, я с охраной лично совершал обход расставленных постов. На двух постах возле артиллерийского обоза мы обнаружили четверых убитых часовых. У всех было перерезано горло.

– Это, без сомнения, дунгане.

– Я немедленно объявил тревогу и организовал поиск злодеев. Но никого не нашли. Однако мы выяснили, за чем они охотились.

- За порохом. Что еще может их интересовать?
- Нет, господин генерал. За снарядами для заморских пушек.
- Что?!
- И их интересовал только один тип снарядов.
- Какой?
- Те, которые летят на семь ли.
- Фугасные.
- Так точно. Фугасные.
- Как вы это поняли?
- Они похитили шестнадцать ящиков фугасных снарядов и не взяли ни одного другого, хотя те лежали рядом, на той же повозке.
- Вы уверены в том, что говорите?
- Да, господин генерал.
- Странно. Зачем дунганам снаряды?
- Они же захватили одну нашу заморскую пушку.
- Да, я знаю.
- Возможно, они научились пользоваться ею.
- Возможно. Но почему именно фугасные снаряды? На их месте я бы предпочел картечь. – задумчиво произнес генерал Мао Хунлинь.

Отпустив командира Ли Куна, генерал погрузился в раздумья. «Итак. У них имеется одна-единственная пушка. Допустим, они уже умеют бахать из нее. И что? Да ничего... А вдруг им в руки попался сам Лотар Ланков? – пронзило его. – Очень даже может быть... И он теперь служит им... А вот в его руках и одна пушка – это уже смертельно опасно. Возможна засада. Черт, придется усилить разведку и замедлить движение».

А в это время отряд Зеленого Вихря уже мчался назад в лагерь. На каждом коротком привале Лотар подбегал к лошадям и осматривал навьюченные лично им ящики со снарядами – не болтаются ли, не давят, не натирают бока. Где надо, там подтягивал.

– Знаешь, а я всё время думал: как ты ящики на лошадей грузить будешь? Этому вас тоже учили? – спросил Зеленый Вихрь.

– Да. Есть такая наука – горная артиллерия. Там всё разбирается на части. И приходится частенько по козьим тропам тащиться. Ну, а если груз плохо навьючишь, то с лошадиной на твою спину перепадет.

– Перепадало? – с улыбкой спросил Зеленый Вихрь.

– Доставалось, – улыбнулся в ответ Лотар.

Глава восемнадцатая

Четвертый день лагерь жил в состоянии ожидания, неведения, неизвестности. Чувство тревоги плотно накрыло людей. Оно передалось даже самым шумным и непоседливым детишкам, отчего те, затихнув, попрятались в землянках подле своих родителей. Казалось, безостановочно копошащийся, гигантский муравейник в одночасье впал в зимнюю спячку. Ясминэ, борясь с тоской и унынием, пристроилась к отряду Мусы и вместе с бойцами днем и ночью вела охрану лагеря, выезжала на дальние посты, где они проверяли, меняли часовых. Ахун Ма Шинло усердно молился, а в промежутках коротал время разговорами со своими друзьями: Моргалой и Рябым.

– Брат, ты точно веришь, что мы пройдем Хеси? – спросил Моргала. На лице его читалось отчаяние.

– Опять ты за своё, – пробурчал ахун. – Сколько раз тебе повторять, Всемогущий Аллах неспроста послал нам длинноносого. Я умею читать знаки. Другое дело, кто из нас в живых останется... Вот насчет тебя... От Всевышнего пока никаких знаков.

– А насчет Рябого? – Моргала всё воспринимал столь серьезно, что даже не ощутил легкого подтрунивания.

– Тоже ничего.

– А ты сам-то выживешь? – донеслось из угла, где на толстом одеяле, поджав под себя ноги, сидел Рябой.

– Да.

– Тебе об этом сам Всевышний сообщил? – с усмешкой спросил Рябой.

– Да. Он сказал: не тревожься, не бойся, ложись на меня.

– Понятно... Ну, а если серьезно, какой все-таки план у Зеленого Вихря и длинноносого?

– Узнаете, когда вернутся.

– А если не вернутся?

– Тогда нам всем кирдык.

– Брат, ты все-таки что-то знаешь, потому и сидишь так спокойно, чай пьешь. Ну, скажи, – с еще большим отчаянием на лице пристал Моргала.

Ахуну надоело ныть друзьям-командиров:

– Глушцы, жалкие уродцы, сколько можно вам повторять: всё, всё, что было, есть и будет – в руках Аллаха, великого и справедливого! – голос ахуна в этот раз прозвучал тверже гранита.

В это же самое время по лагерю пронеслась радостная весть:

– Зеленый Вихрь вернулся!

– Он вернулся!

Через ворота лагеря, гулко стуча копытами, прошел конный отряд. Высыпавшие наружу люди заметили несколько навьюченных темно-зелеными ящиками лошадей, которых иноземный офицер увел в расположение пушкарей. А спешившийся Зеленый Вихрь с парой бойцов уверенной, твердой поступью зашагал к штабной палатке. И вот эти непонятные ящики вместе с появлением Зеленого Вихря, излучавшего спокойствие, оказали на людей странное, волшебное воздействие. Им поверилось в чудо, как тяжелобольному в новую целебную пилюлю.

– Мы спасены!.. Аллаху акбар!.. – мужчины бросились обниматься друг с другом, женщины кинулись разжигать огонь под котлами, детский гвалт вновь разнесся над степью. Ликование охватило лагерь, словно всё страшное осталось позади...

Окружившие Зеленого Вихря командиры внимали каждому его слову. Один за одним, получив четкий приказ, командиры батальонов покидали штаб.

– Передовые группы маньчжуров идут за нами по пятам. Поэтому ваши отряды прикроют колонну сзади, – отдав приказ Моргале и Рябому, Зеленый Вихрь обернулся к ахуну Ма Шинло: – А на тебе, дорогой брат, лежит, наверное, самая важная задача.

– Сейчас всё важно, – в голосе ахуна прозвучало и понимание, и поддержка действиям Зеленого Вихря.

– После нашей атаки мы подадим сигнал, и ты поведешь мирных людей. Главное – идти быстро, без страха и паники.

– Мы справимся. Всевышний поможет нам!

– И еще. Рядом с тобой будет моя сестренка. Присматривай за ней. Это моя личная просьба.

– Брат! – раздался возмущенный голос Ясминэ. – Я буду рядом с тобой.

– Ясминэ, каждый займется своим делом, – сказал, как отрезал, Зеленый Вихрь.

– Сестричка, твоя помощь пригодится мне намного больше, чем брату. Поверь мне, – мягко проговорил ахун. – Мы ведь все одно дело делаем.

– Хорошо, – выдавила из себя Яминэ.
В этот момент в палатку вошел Муса.
– «Восьмерки» ускорились. К утру будут здесь, – доложил он.
– Ну что ж, пора двигаться... Нет... Брат, – обернулся Зеленый Вихрь к ахуну, – прочитай дуа...

* * *

После недавнего внезапного нападения начальник горной заставы Линь Цзянь потерял сон и покой. Каждый день ему мерещилось, как толпы мятежников вновь идут на штурм заставы. Он выставил несколько секретных постов, днем и ночью конные дозоры объезжали близлежащую местность, гарнизон без усталости проводил учения. Все были уверены, что дунгане снова нападут на них, но никто не знал когда. В ту ночь начальник Линь Цзянь проснулся совсем рано. Пристально взглядываясь в предрассветную темноту, он рассмотрел бодрствующую стражу, и чувство легкой тревоги отпустило его. Ополоснув холодной водой лицо, он вместе с охраной выехал на проверку постов. Везде было спокойно, часовые бдительно несли службу. Осталось проверить последний, дальний пост. Вскоре начальник заставы Линь Цзянь с бойцами добрался и до него. И вот, едва часовой с поста стал докладывать ему об обстановке, как до них донесся стук конских копыт. Он быстро усиливался и приближался.

– Запускайте огни! – скомандовал начальник. Солдаты на посту немедленно подожгли фитили, и огненные шары с треском взлетели в воздух, ярко осветив дорогу, на которой несколько всадников резко осадили коней, а затем, клацнув затворами своих винтовок, произвели оглушительный залп, после чего растворились во вновь наступившей темноте.

– Это дунгане!.. Назад на заставу! – прокричал Линь Цзянь и первым развернул коня. За ним сломя голову кинулись охранники, а солдаты с поста, недолго думая, бросились искать спасение в степи. Внезапное появление врага настолько напугало начальника заставы, что он просто потерял голову и при первых сухих щелчках винтовочных выстрелов погнавшихся за ними повстанцев почувствовал, как по спине потекли ручьи горячего пота. Еще через некоторое время бешеной скачки он краем глаза заметил, что тело скачущего рядом бойца резко обмякло и мешком вывалилось из седла. А еще через несколько мгновений лошадь другого будто бы споткнулась о что-то невидимое и с хрипом завалилась на землю, придавив собой седока. Линь Цзянь еще чаще захлестал плеткой по бокам своего коня.

– Это я!.. Дунгане сзади!.. Стреляйте!.. – бешено проорал он выскочившим с винтовками навскидку часовым у следующего поста и, не думая останавливаться, стремглав унесся в сторону спасительной заставы. Ошарашенные часовые пристально всматривались в предрассветную мглу, но никого, кроме одного отставшего бойца из охраны Линь Цзяня так и не увидели. А в это время прекратившие погоню разведчики из отряда «неприметных» вытягивали из-под убитой лошади живого и невредимого бойца. Вскоре вместе с добычей они уже неслись назад. Захваченный пленник сразу же заинтересовал Зеленого Вихря и Лотара.

– Меня зовут Зеленый Вихрь, а его – офицер Лода. Чтобы не терять время, давай договоримся: мы спрашиваем, ты честно отвечаешь. Мы проверяем твои слова. Если не врешь – свободен. Если соврешь – голова с плеч. Согласен? – не сводя глаз с лица перепуганного охранника, проговорил Зеленый Вихрь.

– Согласен. Я унтер-офицер Ван Сяодунь из личной охраны начальника заставы Линь Цзяня, – прозвучал в ответ заметно дрожащий голос.

– Тогда к делу. Офицер Лода, доставай план заставы...

* * *

На горной заставе всё было готово к встрече врага. Солдаты и унтер-офицеры, еще раз проверив оружие, заняли свои места, пушкари в готовности замерли на своих позициях, а сам Линь Цзянь со старшими офицерами расположился на командном пункте, откуда отлично просматривалась вся местность: отвесные скалы напротив, пустынная степь, испещренная глубокими оврагами, выпуклые холмы, за которыми спрятались город-крепость Ланьчжоу и плавно изгибающаяся пыльная дорога, проходящая мимо них в далекую Кашгарию. После прибытия на заставу начальник Линь Цзянь наконец-то почувствовал себя в безопасности. К нему вновь вернулась уверенность командира, и громким, спокойным голосом он отдал все необходимые приказы подчиненным. Однако ему показалось, что его трусливое, паническое возвращение не осталось без внимания офицеров и теперь они посматривают на него с усмешкой или даже легким презрением. «Это позор... Так повести себя... Какой я после этого пример для других? – укору совести и воинской гордости стали терзать его. – Как плохо человек знает самого себя... Ничего, в бою покажу моим офицерам, на что я способен», – мысленно успокоил он себя.

Дунганские повстанцы не заставили себя долго ждать. Чернеющие вдаль конные отряды быстро приближались к заставе. Но не доходя около двух ли, они резко остановились. В их рядах началось какое-то непонятное копошение. Линь Цзянь заволновался.

– Что за чертовщина?.. – то ли проговорил он про себя, то ли обратился к окружавшим его офицерам.

– Разрешите выслать разведку, – тут же прозвучало от одного из офицеров.

– Нет. Это верная гибель... – продолжая вглядываться вдаль, процедил сквозь зубы Линь Цзянь.

А в двух ли от заставы, под прикрытием всадников, Лотар устанавливал пушку Крупна на сконструированное им приспособление. Еще в лагере Зелёный Вихрь поинтересовался у него: «А для чего штуковина эта?» – «Видишь ли, – ответил тогда Лотар, – у нас полевая пушка. У нее ствол высоко не подымается, по горам не поработает. А вот с помощью этой штуки колёса приподнимем, угол обстрела повысим, и, батарея – огонь!»

– Ну всё, – выдохнул Лотар, когда орудие наконец-то встало на своё место. – Начнем с пристрелочного. – Затем, словно фокусник, вынул легкий носовой платок и, развернув его, проверил силу и направление ветра. Все вокруг молча следили за его движениями, понимая, что теперь от них зависит жизнь тысяч людей. Лотар тем временем разложил перед собой план заставы, нарисованный погибшим Лосаном. На нём за последние часы появилось множество мелких пометок, сделанных Лотаром во время допроса унтер-офицера Вана. Внимательно вглядываясь то в план, то в нависшие над заставой горы, он стал наводить орудие, подкручивая разные хитроумные механизмы. Через некоторое время, показавшееся Зеленому Вихрю просто бесконечным, напряженную тишину пререзала команда: «Заряжай!»

Дунганские пушкари задвигались на удивление дружно и сноровисто. Клацнул открывающийся затвор, из рук в руки переданся снаряд, вошел в ствол, за ним – картуш с порохом, снова клацнул теперь уже закрывающийся затвор, встала на своё место запальная трубка, и отрывисто прозвучало: «Орудие к бою готово!» Лотар отошел в сторону, поднял руку вверх и вместе с командой: «Огонь!» резко опустил её. Один из пушкарей тут же дернул за шнур, и раздался оглушительный грохот. Орудие резко дернулось назад, а из ствола вырвался сноп огня и дыма. Лотар, казалось, провожал взглядом полет раскаленного снаряда, пока тот не врезался в потрескавшуюся от древности скалу. Взрыв сотряс ее, она содрогнулась, но устояла.

– Заряжай! – вновь прозвучала команда...

Столпившиеся на командном пункте офицеры во главе с начальником заставы, увидев и услышав выстрел из пушки, потеряли дар речи. И только когда со свистом пролетевший высоко над их головами снаряд ухнул где-то далеко в горах, раздались недоуменные возгласы: «Что?.. Что это было?..»

– У них, оказывается, имеется заморская пушка, – определил Линь Цзянь.

– В меткости им не откажешь, – насмешливо произнес один из офицеров.

– Странно, что они вообще сумели выстрелить из нее, – высокомерно добавил другой.

В этот момент над ними пролетел второй снаряд и вновь громыхнуло где-то высоко в горах. Затем ещё один. И ещё... И ещё... А скопившиеся вдали конные отряды повстанцев никак не решались кинуться в атаку, словно выжидая какого-то момента. Это озадачивало начальника заставы Линь Цзяня. Он совсем не боялся наступления и даже, наоборот, ждал его с нетерпением. Если бы только эти жалкие мятежники знали, сколько смертельных сюрпризов он им подготовил. За свой ночной позор он сполна рассчитается с ними. Линь Цзянь чувствовал, как закипает кровь в его жилах... Но внезапно между двумя очередными разрывами снарядов ему послышался странный гул. Оглянувшись, Линь Цзянь заметил, что офицеры удивленно озираются по сторонам: «Что это?.. Что за странный шум?..» Бросив затем взгляд на отряды повстанцев, он заметил дикое ликование в их рядах. «Чему они радуются? И чего это они пальцами в нас тычут?» – едва подумалось ему, как прямо в их командный пункт, спрятанный под огромной скалой, посыпались мелкие камушки, а за спиной раздался истошный вопль: «Камнепад!!!» Древние, пережившие холод и жару, снег и ветер морщинистые скалы не устояли под мощными взрывами фугасных снарядов. Они вздрогнули, раскололись и полетели вниз, подхватывая за собой всё, что можно было сдвинуть с места. Огромные камни, набирая скорость и подпрыгивая словно гигантские детские кубики, через считанные мгновенья обрушились на горную заставу. Скала над командным пунктом треснула и, развалившись на части, мгновенно раздавила больше половины штабных офицеров. Линь Цзянь едва успел спрятаться в глубокой нише возле алтаря с благоухающими палочками. Рядом с ним оказалась еще тройка офицеров. В страхе они нашептывали молитвы и просили небесных духов спасти их жизни. А следом за камнями с глухим, нарастающим гулом поползли огромные массы горного щебня, забывая собой все щели и пустоты.

Лотар не обращал внимания на радость и восторг вокруг него. Он ровно и бесстрастно продолжал наводить орудие на намеченные им цели. «Заряжай!.. Огонь!» – и снова грохот и дым. Горная заставка на глазах превращалась в ад на земле. Уцелевшие солдаты и офицеры с криками, воплями, побросав оружие, мчались прочь. Раненые изо всех сил пытались отползти куда подальше, но тяжелые глыбы безжалостно настигали их.

– Всё! – крикнул Лотар Зеленому Вихрю, кидающему взгляды то на заставу, то на него. – Снаряды кончились.

Зеленый Вихрь подбежал к нему, крепко обнял за плечи.

– Спасибо, брат Лода, – тихо, но с нескрываемым чувством благодарности прозвучали его слова, после чего он кинулся к своему коню, прыжком вскочил в седло и, обнажив меч, громко скомандовал: – Атака!!!

Земля задрожала от топота тысяч конских копыт, и воздух наполнился протяжным «Аллаху акбар!»

Возбужденный, насквозь пропахший пороховой гарью Лотар оглядел свой орудейный расчет. Бойцы никак не могли прийти в себя. Они неотрывно смотрели туда, где еще несколько минут назад стояла неприступная заставка, а теперь вздымались облака пыли, и никак не могли поверить в произошедшее. Рядом с ними он неожиданно заметил унтер-офицера Вана. Тот сидел на земле со связанными ногами и, хлопая глазами, провожал взглядом быстро удаляющихся всадников. Лотар подошел к нему.

– Унтер-офицер Ван, вы свободны, – объявил Лотар и, достав нож из дамасской стали, ловко перерезал путы. Унтер-офицер ничего не ответил. Он еще долго сидел на земле. Затем, видать, пришел в себя, поднялся и медленно побрел в сторону холмов, за которыми скрывался город-крепость Ланьчжоу.

Начальник заставы Линь Цзянь, раскидав по сторонам завалившие его камни, с трудом выкарабкался наружу. Его глазам предстала страшная картина: второй, верхний вал заставы был погребен под слоем камней и щебня. Первая оборонительная линия пострадала меньше, но солдаты в панике разбежались, ища спасение в дальних сухих оврагах. К заставе на полном ходу приближались конные отряды дунган. «Это конец... О Небо, чем провинился я перед тобой?..» Вспомнив, что предписывается делать начальнику заставы, осторожно нащупывая твердь, он двинулся вниз и, расчищая себе путь, медленно добрался до двери, ведущей в подземелье. С трудом отодвинув в сторону пару валунов, он сумел протиснуться в узкую дверную щель. Сдернув со стены факел, Линь Цзянь высек искру и зажег его. Спустившись по выбитым из камня ступеням, он оказался в зале, заставленном пузатыми бочками с порохом. Вокруг стояла тишина, ярко горело пламя факела. Вдруг странные мысли полезли ему в голову: «Вот сейчас передо мной с одной стороны смерть, а с другой – жизнь. Если затушу факел, жизнь продолжится. Всуну в бочку с порохом – наступит смерть... Страх шепчет – живи. Долг говорит – умри»...

Приблизившись к заставе и не услышав ни единого выстрела, не встретив ни одной живой души, Зеленый Вихрь окончательно убедился, что с заставой покончено. «Победа! Ну, это и немудрено, – он глянул на невообразимые размеры разрушений. – А ведь всё благодаря пронизательности Лосана и таланту офицера Лода». В этот момент ему на глаза попала группа бойцов, пытающихся пробраться через груды камней к развалинам нижнего вала, где виднелась чуть приоткрытая дверь, ведущая в подземелье.

– Эй, бойцы! Давайте назад. Там ещё очень опасно, – едва успел он договорить, как землю сотряс страшный по силе взрыв, и адский столб огня вырвался из того подземелья. Вновь пошатнулись горы, и с гулом сошел еще один камнепад, окончательно скрывший под собой остатки горной заставы и группу бойцов.

* * *

Ахун Ма Щинло и Ясминэ с ротой бойцов организовали на пригорке наблюдательный пункт. Оттуда они внимательно следили за проходом мирного обоза: жёстко приструнивали наглецов, пытавшихся обогнать других, отгоняли в сторону и быстро чинили телеги с распатанными колесами, меняли ослабевших коней. В общем, делали всё, чтобы гигантский обоз двигался быстрее и быстрее. К середине дня мимо бывшей заставы прошли последние повозки и вдали показались колонны арьергарда.

За всё это время Лотар всего лишь пару раз мельком видел Ясминэ. Теперь же, когда всё шло к благополучному концу, он решил перекинуться с ней парой слов и направил своего коня к пригорку.

– Как всё прошло? – спрыгнув с седла и подойдя к ней, поинтересовался он.

– Я давно перестала верить в чудеса. А оказывается, они все-таки случаются. Даже не знаю, как тебя отблагодарить.

– Ланьчжоуский лагман. Ничего другого не приму, – улыбнулся Лотар.

– Принимается, – Ясминэ тоже улыбнулась.

– Я видел, как один обоз остановился. Сразу такая толчея создалась. Мне даже страшно стало.

– Да, когда скалы вниз полетели, двух лошадей от страха понесло. Телеги перевернулись. Вся поклажа на дорогу вывалилась. Хорошо, люди не пострадали, вовремя спрыгнули.

– Повезло, что без паники обошлось.

– Ну, наших людей этим не напугать...

В этот момент к ним подошел ахун Ма Шинло, а за ним подтянулось несколько бойцов. Они смотрели на Лотара с удивлением, восторгом и страхом.

– Не зря тебя прозвали человеком-дьяволом. Простому смертному подобное не под силу. Смотрите, – обратился ахун к бойцам, – сегодня вы свидетельствуете силу и могущество великого Аллаха. Он обратил одного из шайтанов на служение правоверным.

– Никакой он не шайтан. Он офицер Лода, – неожиданно вступилась за Лотара Ясминэ.

– Сестрица, у шайтанов много лиц и имён. Не забывай об этом.

– Нам он не служит, а помогает. А вот кто-то хотел ему голову отрубить... Я всё помню, – Ясминэ не стала сдерживаться.

– Я первым в него поверил. Ты что, забыла?.. И вообще, нам пора к намазу готовиться. Пойдемте, братья, – ахун быстренько увел за собой бойцов. Ясминэ и Лотар молча проводили их глазами.

– Лихо ты его отбрила, – чуть улыбаясь, проговорил Лотар.

– А как иначе? Вместо благодарности кучу глупостей наговорил, шайтаном обозвал. Ты не обиделся, надеюсь?

– Нет. Уже привык.

– Ну да... А вот поверишь, нет, сегодня, когда я смотрела на тысячи спасенных людей, я впервые в жизни поняла, что такое счастье, – вполголоса произнесла она, устремив вдаль увлажненный слезами взгляд.

– Завидую. Мне такого не дано, – еле заметное сожаление прозвучало в голосе Лотара. – Оно, наверное, похоже на огромную радость, – добавил он.

– Похоже. Но не совсем. Радость быстро остывает.

– Хм-м...

Однако поговорить дальше им не дал всадник, во весь опор скачущий к ним.

– Так скачут только в двух случаях, – прищутив глаза, заметил Лотар, – когда...

– Хорошая весть... – подхватила Ясминэ.

– Или не очень, – закончил Лотар. В тревожном молчании они дождались гонца. Им оказался Коротышка Ван. Он ловко осадил коня прямо перед ними и соскочил на землю.

– «Восьмерки» догнали нас. Брат Эбду приказал вам двоим срочно уходить с обозом. И без возражений. Так сказал он. Это всё, – выпалив, он развернулся и двинулся к встревоженному ахуну, стоящему неподалеку.

– Без возражений – это касается тебя, – сказал Лотар и, вскочив на своего коня, помчался к Зеленому Вихрю. Он нашел его на месте бывшего пропускного поста.

– Надеюсь, Ясминэ послушалась меня, – бросил Зеленый Вихрь подошедшему к нему Лотару.

– Она отвечает за людей в обозе и не оставит их. А я больше пригожусь здесь, – ответил Лотар.

– Ты должен идти до своего дома. Рассказать обо всем.

– А ты должен жениться. И брат Муса тоже.

Зеленый Вихрь слегка улыбнулся и чуть покачал головой:

– Ну, давай выкладывай. У тебя точно есть какой-то план.

– Нет... Ничего нет. Я буду просто драться...

– У нас еще остался ящик со снарядами, которые на один ли летят, – напомнил Зеленый Вихрь.

– Картечные... Помню... Кстати, мы занимаем очень выгодную позицию. Почти как Фермопилы.

– Что? Не понял...

– При Фермопилах – это ущелье такое – триста спартанцев бились против огромной армии персов и простояли почти три дня.

– Нас поболее числом будет. Может, и простоим подольше...

– У персов тогда пушек крупновских не было, – тихо вздохнул Лотар... – А знаешь, кстати, как называется план генерала против вас?

– Нет. А разве имеется такой?

– Генералы без планов не воюют.

– Давай, говори.

– Желтая буря.

– Хм-м... Забавно... Что же это может значить? Он тебе об этом не говорил?

– Раз в десять тысяч лет по земле проносится гигантская буря, которая очищает её. И она желтого цвета... Так он мне сказал.

– Интересно, а этот выдумщик не подумал, что буря сметёт и его?

* * *

Генерал Мао Хунлинь не поверил словам своей разведки об уничтожении горной заставы и просто прогнал посыльного прочь. Теперь, когда его войска подошли и остановились напротив отрядов дунганских повстанцев, занявших оборону у Пасты Дракона, генерал, покинув свою повозку и пересев верхом на коня, сумел так приблизиться к остаткам бывшей заставы, что самолично убедился в правдивости донесения. Застывшим взглядом он долго смотрел в ту сторону, где еще совсем недавно возвышались неприступные редуты, и никак не мог поверить своим глазам. Затем, даже не взглянув на чернеющие ряды выстроившегося для смертельного боя врага, он развернул коня и вернулся к своей повозке. За каждым его движением пристально следили десятки глаз штабных офицеров. Генерал тяжело поднялся внутрь своего походного домика, закрыл дверцы и плотно задернул оконные занавески. Прошло не менее двух часов томительного ожидания. Командиры недоуменно переглядывались, уставшие всадники покачивались в седлах, едва удерживая боевой строй, а генерал не подавал никаких признаков жизни.

– Я узнаю, в чем дело, – не выдержал доктор Хуа. – Возможно, ему нездоровится.

Постучав в дверцу и не услышав ответа, доктор решил проникнуть внутрь.

– С вами всё в порядке, господин генерал? – учтиво поинтересовался он.

– Нет, мой дорогой доктор Хуа.

– Что беспокоит вас?

– Бессилие...

Доктор Хуа призадумался.

– Не берите в голову, дорогой доктор. Против этого типа бессилия нет чудесных порошков, – неожиданно продолжил генерал. – Знаете, дорогой Хуа, я проиграл... Мне не одолеть Зеленого Вихря... Я боролся с ним всеми известными мне способами и средствами. Мне казалось, еще чуть-чуть – и всё, ему конец. Но на его стороне сила, неизвестная мне.

– Бороться с неизвестным – всё равно что рубить мечом пустоту.

– Эта сила могущественная и неподвластная... Никому. – Генерал не выходил из обуреваемых его мыслей. – Разве обладает человек или даже дьявол способностью расколоть горы и сровнять с землей целую заставу, простоявшую тысячу лет?

– Небо... – донеслось от доктора.

– Да... В Сиане был знак, а меня убедили увидеть в нём дождь. Но сегодня я не могу отвергнуть еще одно предупреждение Неба... Мы возвращаемся в Ланьчжоу...